

НА ВОСТОКЪ (*).

I.

ВЪ ЯПОНІИ.

Мы стоимъ на якорѣ передъ Хакодате; стоимъ всего нѣсколько часовъ, послѣ того, какъ звякнула якорная цѣпь и японскіе лоцмана, вовсе ненужные и бесполезные, но—по обычаю и по путятинскому трактату—вводившіе насъ на рейдъ, съѣхали съ парохода. Испытывая всю неловкость новаго положенія въ виду большаго, оживленнаго и оригинальнаго города, особенно послѣ однообразно-тоскливыхъ стоянокъ въ портахъ Восточнаго океана,—мы находимся подъ обаяніемъ сильнаго нетерпѣнія поскорѣ увидѣть городъ, побольше и поподробнѣе познакомиться съ нимъ. Нетерпѣніе наше возрастаетъ и становится едва побѣдимымъ послѣ того, какъ получаемъ заявленіе нашего флагмана, что для осмотра города мы можемъ имѣть въ распоряженіи всего только четверо сутокъ. Между тѣмъ, мы не можемъ тотчасъ же съѣхать на берегъ; не можемъ и за невыдачею намъ шлюпки и по той причинѣ, что на пароходѣ ожидаютъ обычнаго появленія японскихъ таможенныхъ чиновниковъ съ поздравленіемъ (вѣроятнѣе съ подозрѣніемъ: нѣтъ ли съ нами вооруженнаго войска, лишняго количества пушекъ, людей и проч.). До чиновни-

---

(*) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы намѣрены печатать рассказы наши, о тѣхъ странахъ Азіи, которыя сопредѣльны Россіи и въ которыхъ намъ удалось побывать во время двухъ поѣздокъ, совершенныхъ по порученію морскаго министерства. Настоящая статья и слѣдующая будутъ служить въ то же время продолженіемъ статей, уже напечатанныхъ нами въ Морскомъ Сборникѣ; остальные будутъ относиться къ новымъ нашимъ изслѣдованіямъ, которыя произвели мы въ прошедшемъ году на берегахъ Каспійскаго моря. *Авт.*

ковъ мы въ силахъ распорядиться только наблюденіями издали и дѣлаемъ это съ большою охотою и потому, что дѣйствительно передъ нами на склонѣ высокой прибрежной горы раскинулся диковинный городъ. Вышній видъ его не имѣетъ ничего общаго со всѣмъ тѣмъ, что мы знали и видѣли до сихъ поръ. Нѣтъ ничего, что бы могло напомнить намъ родные города наши (даже и европейскіе). Разстояніе, отдѣляющее насъ, на столько незначительно, что мы могли бы видѣть и разобрать многое; но видимъ только одинъ домъ европейской архитектуры, командующій всѣмъ городомъ, поставленный выше всѣхъ, красивѣе и удобнѣе всѣхъ, домъ нашего консула; ниже его мы положительно ничего различить не въ силахъ: груды, масса чего-то страннаго и своеобразнаго, рябитъ въ глазахъ, ступевывается въ нѣчто загадочное, гдѣ и понять ничего нельзя и выдѣлать мы ничего не въ силахъ, даже и вооруженнымъ глазомъ. Домъ консула подсказываетъ намъ знакомые виды: мы ищемъ тѣхъ высокихъ, возносящихся главы и шпицы зданій, которыми преукрашены всѣ города и европейскіе и азіатскіе, безъ нихъ намъ ни одинъ городъ на свѣтѣ казался невысказаннымъ, и мы радуемся за новаго знакомого, которому судила судьба стать внѣ рутинныхъ порядковъ. Ни минаретовъ, ни церквей, ни крикливаго и роскошнаго богача—домины мы не видимъ. Не можемъ и судить о новомъ городѣ по завѣдомымъ и привычнымъ приемамъ; теряемъ нить и всѣ тѣ признаки, по которымъ прежде клали себѣ путевыя тропы и устраивали выходы. Глядимъ на невѣдомой городъ и думаемъ: гдѣ ты нашъ завѣтный и неизбѣжный соборъ, самая большая, на большую часть самая древняя церковь изъ всѣхъ церквей города, съ огромнымъ колоколомъ борисовичемъ, телепень котораго раскачиваютъ два человѣка и въ ревѣ котораго всѣ звонкіе колокола приходскихъ церквей пропадаютъ безслѣдно, какъ въ голосѣ протодьякона того же собора изнываютъ всѣ, самые крикливые и басистые голоса приходскихъ дьяконовъ? Гдѣ вы, наши отечественные кувеческіе дома, неизмѣнно двухэтажные, съ длиннымъ заборомъ, утыканнымъ гвоздями, съ параднымъ верхнимъ этажемъ, всегда пустыннымъ, съ этажемъ нижнимъ, освѣщеннымъ одинокой лампадой въ то время, когда хозяева ваши, всѣ сбитые въ одну-двѣ комнаты, окнами на дворъ, храпятъ и

бредятъ и видятъ всегда пророческіе и большею частію зло-вѣщіе сны не къ добру? Не видимъ мы и тѣхъ крикуновъ—домовъ барскихъ, которые любятъ обставлять свои входы и выходы свирѣпыми и немилостивыми звѣрями въ видѣ дикихъ львовъ и неумолимыхъ собакъ и которые кичились въ былую пору внѣшнимъ блескомъ хорошаго рода стеколь и бронзы, отличной природы драпри и портѣровъ передъ сосѣдами изъ купеческой породы, прикрывающими невымытымъ каленкоромъ свои выгорѣвшія отъ времени и солнышка стекла, нелюбящими чистить домашнюю накипь и ржавчину? Нѣтъ васъ здѣсь, наши милые, добрые, старые знакомые—и намъ не по себѣ; мы положительно скучаемъ безъ васъ и теряемся; мы начинаемъ извѣдывать неловкое—мало того, непривычное, незнакомое и,—что грѣхъ таить!—какое-то странное и небывалое состояніе духа. Мы положительно растерялись, когда отвели глаза съ горы и города на бухту, всю вплотную усыпанную какими-то диковинными судами; ихъ такъ много, что по нимъ, какъ по мосту—можно кажется, не замочивши ногъ, пройти съ нашей «Америки» въ городъ. Форма судовъ этихъ до того странной формы, что мы такой и во снѣ не видывали. Смутно вспоминаются намъ какіе-то рисунки къ какому-то кругосвѣтному путешествію, и по нимъ кое-какъ мы добираемся до сознанія, что это тѣ пресловутыя джонки, которыя имѣются въ Китаѣ: по крайней мѣрѣ, основная форма ихъ съ рѣзными украшеніями по бортамъ, по кормѣ и на носу одна и та же и здѣсь въ Японіи. Много потрачено времени на рѣзбу и щеголевато-мелочную отдѣлку всѣхъ этихъ несуществующихъ птицъ, фантастическихъ животныхъ, каковыми украшены джонки; много надо умѣнья и проворства на то, чтобы умѣть ладить съ такими парусами, которые, какъ роскошныя драпри богатаго дома, всѣ на сборкахъ (кулисахъ), многосложно, но красиво спутавшихъ парусъ. Станнымъ кажется намъ пребываніе этого красиваго драпри на судахъ, назначенныхъ въ море, и обязаннаго служить многотрудную службу: быть готовымъ распуститься въ тотъ роковой моментъ, когда простота и немногосложность предпочитаютъ красотѣ и замысловатости. Къ чему эта ненужная роскошь рѣзбы; эти красивые паруса, съ которыми, по всему вѣроятію, и управляться очень трудно и ко-

торые не дадутъ такого положительнаго отвѣта въ роковой моментъ, какой даютъ паруса европейскіе? Мы готовы произнести японскимъ джонкамъ осужденіе, но удерживаемся, не смѣемъ, не въ силахъ сдѣлать это, по той причинѣ, что воспоминанія о дальней и милой родинѣ и здѣсь задерживаютъ наше воображеніе и рисуютъ намъ тождественныя, похожія картины. Давно ли въ великомъ множествѣ кишили по Волгѣ и притокамъ ея разшивы, мокшаны, коноводки и вся судовая благодать, расписанная, разрисованная, мечущаяся въ глаза своей пестротой и замысловатостью рѣзныхъ фигуръ по кормѣ, а на носу, даже на верхней рубкѣ, съ особымъ тщаніемъ отдѣланныхъ на тѣхъ щеголяхъ-судахъ, какія назначались для стоянки въ Окѣ на время нижегородской ярмарки. Да и теперь, смотрите съ ярмарочнаго моста направо, гдѣ собрались суда со всей Волги и на многихъ изъ нихъ не только кормы писанныя, но цѣлыя картины висятъ безъ нужды на мачтахъ, и нѣтъ флага, который бы глядѣлъ просто, безъ штукъ, безъ тѣхъ же рисунковъ, какимъ позавидуетъ не только японскій, но и китайскій живописецъ. Сколько соревнованія, сколько хлопотъ и стараній потрачено на это дѣло и сколько времени бесполезно съѣло оно, это дѣло, все устремленное, всецѣло озабоченное однимъ внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ, ради котораго потерпѣли ущербъ внутреннія достоинства, главная суть: черепашымъ ходомъ шли эти пестрыя суда на лямкахъ разбитой ногами и несчастной во всѣхъ отношеніяхъ бурлачины; привели они товары, заказанные на низу и закупленные прожженнымъ плутомъ-прикащикомъ еще зимою, не прошлаго, а третьяго года; повезутъ другія обратно на темный рискъ, который въ настоящемъ году сказался такимъ зловѣщимъ и тяжелымъ кризисомъ не только для хлѣбной, но и для всякой другой торговли, ввѣряющей свои продукты этимъ допотопнымъ поставщикамъ и способникамъ. Многія изъ нихъ еще и до сихъ поръ тянулись впередъ на коротенькомъ концѣ завознаго якоря и по цѣлымъ суткамъ мозолятъ глаза (своей неуклюжей коноводкой) жителей тѣхъ городовъ, которые лежатъ на крутыхъ горахъ, Стоитъ этотъ внѣшній лоскъ за себя и не имѣетъ на Руси соперниковъ нигдѣ и ни на какихъ рѣкахъ, кромѣ матушки-Волги и столкнулся съ соперниками только здѣсь,

въ такой дальней дали далекаго Японскаго моря; но—побѣды не одержаль. Мимо насъ, почти борть-о-борть, прошла одна изъ джонокъ и поразила всѣхъ необыкновенной уютностью и чистотой до кокетливости, съ какими отдѣлана жилая каюта хозяина судна и его семейства. Далеко до нея нашимъ православному казенкамъ! Мы и сравненій дальше дѣлать не въ силахъ; нить воспоминаній нашихъ обрывается. Рѣзкіе, дикіе звуки доносятся къ намъ съ берега; по временамъ они смолкають, по временамъ затѣваются съ новою яростью. Прислушиваемся—и не понимаемъ; не понимаемъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока изъ-за одной джонки не показалась лодка на веслахъ, а на ней толпа гребцовъ, въ подспорье работѣ затянувшихъ не волжскую разносистую пѣсню, а безалаберную смѣсь изъ однообразныхъ, урывчатыхъ звуковъ, у которыхъ было только два тона и оба тона шли, безъ варіацій, въ безконечность: «Юссо! ёссо! ёссо!»—выкрикали японскіе лодочники, и вся ихъ пѣсня, и весь ея смыслъ былъ тутъ, безъ остатка. Лодка эта привезла къ намъ японскихъ чиновниковъ.

Смѣлою поступью, придерживая рукой одну изъ двухъ сабель за рукоятку, входили къ намъ по парадному трапу три маленькихъ ростомъ, худощавыхъ и необыкновенно опрятныхъ чловѣчка. Двое оказались чиновными, и потому, войдя въ каютъ кампанію, они незастѣнчиво-охотно поспѣшили помѣститься на диванъ, въ то время, когда ихъ третій товарищъ, внѣшнимъ видомъ и костюмомъ не отличавшійся отъ нихъ, устоялъ на ногахъ, не смотря на самыя усердныя и убѣдительныя просьбы наши садиться. Онъ исполнялъ при чиновникахъ обязанность переводчика, и зналъ сверчокъ свой шестокъ по русской словицѣ и японскому обычаю: при всякомъ обращеніи своего чиновника къ нему круто изгибалъ спину, подобострастно втягивалъ въ себя воздухъ, какъ будто желая втянуть глубоко въ сердце и пустыя рѣчи, но выпускаемая изъ устъ людей высшаго ранга. Слова ихъ, не смотря на всю пустоту свою и дешевизну, были для насъ простыми, обыденными, рутинными вопросами, не смотря на то, что переводчикъ придавалъ имъ такое священное значеніе. Мы знали, что дешевые же и немудреные отвѣты наши будутъ донесены по начальству, разумѣется передѣланными,

съ придачей своихъ японскихъ замѣтокъ и объясненій и въ уши сіюгуна (по нынѣшнему тайкуна) попадутъ уже совершенно въ новомъ видѣ, гдѣ основной смыслъ безъ слѣда утратится. Все это мы знали по прежнимъ рассказамъ и жалѣли переводчика; удивлялись мы и чиновникамъ, которые во все время съумѣли сохранить торжественно важный, сосредоточенный тонъ. Тонъ этотъ очаровалъ насъ необыкновенной своею закругленностью и оконченностью: ни одного угловатаго жеста, ни одного лишняго слова. Сами чиновники, словно вырѣзанные лезвѣмъ японскимъ рѣзцомъ, были и приличны необыкновенно и замѣчательно кокетливы. По виду, ни одному изъ нихъ нельзя было дать больше двадцати лѣтъ. Самый видъ ихъ до того былъ привлекателенъ, что двухъ изъ нихъ мы положительно, по своимъ русскимъ примѣтамъ, назвали красавцами: румяные такіе, свѣжіе, съ живыми глазами, съ сытымъ и довольнымъ выраженіемъ, какъ бы и аристократы богатой породы. Гладко-на-гладко выбриты были ихъ губы, подбородокъ и щеки, до послѣдняго волоска вычищено въ ушахъ и ноздряхъ; и голова, бритая на переднюю половину, — съ задней вѣнчалась пучкомъ волосъ, пышно взбитыхъ и завязанныхъ узломъ тамъ же на затылкѣ, ближе къ темени; отъ него впередъ и на лобъ кокетливо (въ японскомъ смыслѣ) легла коротенькая коса, щедро просаленная на лбу, перегнутая, возвращенная назадъ, къ затылку, и тамъ снова и въ послѣдній разъ завязанная тесемкой; въ цѣломъ, японская коса имѣла видъ селедки (но не осѣдца) по прозванію и приговору всѣхъ нанихъ.

Угощали мы этихъ пѣтушковъ не столько разговорами, сколько разнообразными сластями, стараясь угодить имъ, подладиться къ ихъ вкусу, который выше сладкаго не признаетъ, какъ давно извѣстно, ничего, и въ американскихъ пряникахъ и шанхайскомъ померанцовомъ вареньѣ наши гости получали величайшее наслаждение. Мы видѣли это и по губамъ, которыя громко и усердно чмокали, и по маленькимъ рученкамъ, чистенькимъ и правильнымъ, какъ бы и у прославленныхъ русскихъ красавицъ, рученкамъ, которыя то и дѣло появлялись изъ-подъ стола, чтобы снять съ тарелки именно самые вкусные и самые сладкіе крендельки, булочки, конфетки.

И какая громадная разница, какая чудовищная пропасть

легла между этими посѣтителями изъ японскаго города и тѣми манзами (китайцами), которые докучливо лезли къ намъ на пароходъ въ заливѣ Посѣта! Перегорѣлымъ чесночнымъ запахомъ преисполнялась на тотъ разъ вся атмосфера, въ каютѣ дышать было противно, когда бывало заберется въ нее два, только два такихъ молодца, рослыхъ, топорной работы, неуклюжо и тяжело ступавшихъ, которые все хватали въ руки, все усердно обглядывали тупымъ, безучастнымъ взоромъ, ко всѣмъ относились грубо и безъ сомнѣнія бранились бы съ нами, если бы знакомы были съ богатымъ браннымъ лексикономъ мудренаго языка нашего. Если бы сказали намъ на первый моментъ свиданія нашего съ японцами, что они происходятъ отъ китайцевъ, мы не имѣли бы никакого права повѣрить — мы не въ силахъ были бы найти хотя единую іоту не ближайшаго сходства, а даже и отдаленнаго подобія. Тѣ рублены топоромъ и притомъ тупымъ и грубой работы; по этимъ прошелся рѣзецъ замысловатаго дѣла и притомъ руководимый мастерской и ловкой рукой. Тѣхъ одобрили бы въ Москвѣ на полицейской службѣ при стеченіи народной толпы; эти не ударили бы себя въ грязь въ самыхъ тонкихъ и притязательно-изысканныхъ салонахъ. Какъ медвѣди ломаютъ тѣ вездѣ и всюду; какъ ловкія сайги, ни за что не задѣвая, почти ни до чего не касаясь, проскользаютъ эти и мимо мебели, тѣсно раставленной въ нашей каютѣ-компаніи, и мимо нашихъ очередныхъ вопросовъ, которые неопытныхъ и скрытныхъ могли бы поставить въ тупикъ.

Всѣ мы очарованы были нашими посѣтителями, съумѣвшими на первыхъ порахъ расположить насъ въ личную пользу и такъ ловко освѣтившихъ первые шаги наши къ знакомству съ невѣдомой, но заманчивой страной. Очарованіе наше было до того могущественно и сильно, что мы забыли на тотъ разъ глубочайшее оскорбленіе, нанесенное нашему патріотическому чувству японскими чиновниками, и вспоминаемъ объ этомъ оскорбленіи теперь, черезъ три года, когда дѣло, вызвавшее это оскорбленіе по доходящимъ до насъ слухамъ, стоитъ въ старомъ видѣ и образѣ. Въ *Хакодате* — городѣ, въ которомъ четыре года до насъ жили постоянно русскіе люди цѣлой колоніей, гдѣ не одну зиму стояли военныя суда, имѣеть пребываніе нашъ консулъ, отличный знатокъ языка,

мы должны были съ таможенными чиновниками говорить по английски!! При этомъ толмачъ изъяснялся на англійскомъ языкѣ едва ли не бойчѣе, чѣмъ на своемъ природномъ, тогда какъ извѣстно, что англійскій консуль и англійскій купецъ поселились въ городѣ двумя и едва ли не тремя годами позднѣе нашихъ!... Намъ будетъ время объяснить впослѣдствіи это многосложное и замысловатое явленіе; быстро проходимъ мимо его теперь, увлекаемые все тѣмъ же японскимъ городомъ, передъ которымъ мы оставили читателя,—стоимъ и сами.

Поѣдемъ туда.

На веслахъ, управляемыхъ крѣпкими руками коренастыхъ и здоровыхъ сибиряковъ, составляющихъ большую половину нашей команды, идетъ наша шлюпка къ берегу, лавируя между сотнями диковинныхъ джонокъ. Направо и налѣво стоятъ онѣ, росписанныя, оригинальныя, носъ и корма сильно приподняты; какія то тряпки, какія то рѣшотки; толстая до безобразія мачта; въ носу какая то выемка—родъ распорки. Общая форма можетъ напоминать допотопный ноевъ ковчегъ, но не кажется ничего мореходнаго, ничего, къ чему успѣлъ ужѣ привыкнуть нашъ глазъ на военныхъ судахъ. На джонкахъ какъ будто все стремится къ тому, чтобы какъ нибудь сдѣлать судно неуклюжѣе и неудобнѣе. Но за то въ отверстія сбоку мы видимъ внутри красивыя цыновки, полированное дерево, вездѣ, даже и на такихъ вещахъ, которыя этого не требуютъ; видимъ яркія краски, чисто и отменно выглаженныхъ, выбритыхъ японцевъ и въ тоже время поражены гнилымъ, одуряющимъ запахомъ, быющимъ намъ въ носъ справа и слѣва, спереди и сзади. Вотъ она, Азія, въ своихъ передовыхъ, любимыхъ проявленіяхъ и кажется, неизмѣнная, та же самая, что лежитъ позади насъ далеко теперь, по ту сторону Восточнаго океана. И—странное дѣло! она здѣсь та же, но какъ будто измѣненная, поставленная вверхъ ногами, вмѣсто того, чтобы казаться по азіятекому закону и обычаямъ снаружи чистенькою и красивою, а внутри скверною и безобразною; она здѣсь, въ Японіи, на японскихъ джонкахъ, является снаружи безобразною, внутри—росписанною, полированою. Неужели Японія задалась новой міровой задачей, и къ крайнему нашему сожалѣнію, не покажетъ намъ тѣхъ подобій и сходства, которыхъ мы

ищемъ. Смотримъ мы больше и дальше и дѣйствительно убѣждаемся на первыхъ порахъ, что здѣсь все не такъ, не по привычному и завѣдомому, все вверхъ ногами. На встрѣчу намъ плыветъ отъ берега лодка. На ней, какъ и на той, которая привозила къ намъ таможенныхъ чиновниковъ, гребцы гребутъ веслами отъ себя, не по нашему; весла большія, неудобныя, гребцамъ тяжело, лодка двигается медленнымъ черепашинымъ ходомъ, какъ громко-усердно и не выкрикиваютъ японцы: ёссо, ёссо— и такъ въ безконечность. Недорого, видно, народу этому дорогое время, которое англичане называли капиталомъ; видно, рассчитываютъ они поспѣть на свой вѣкъ сдѣлать то, къ чему другіе лихорадочно спѣшатъ и чего крѣпко домогаются, да знать и не такія важныя дѣла у японцевъ, чтобы подходить къ нимъ съ особенною охотою и нетерпѣливымъ желаніемъ. Лодка хоть и медленно везетъ, да за то непремѣнно и вывезетъ: когда? высмотрѣть это-намъ нѣтъ времени: мы пріѣхали въ Японию только на четыре дня, и спасибо шлюпкѣ и сибирякамъ: они скоро поставили насъ на берегъ.

Но и здѣсь все такое диковинное. Мы слышимъ странные, глухіе звуки, какъ будто бьютъ въ бубень. Что такое?

— Полдень японскій—подсказываютъ намъ.

Смотримъ на часы: на нашихъ, провѣренныхъ секстаномъ, показывается уже $\frac{1}{4}$ 2-го. Что за причина?

— Японское правительство надуваетъ рабочихъ (цѣлыми сотнями кишашихъ и здѣсь, на берегу хакодатскомъ). Желая получить большую выгоду, оно часомъ съ четвертью лишнихъ пользуется силами рабочихъ въ полдень; да столько же требуетъ отъ нихъ къ ночи.

Что изъ этого происходитъ—намъ не видно: видимъ мы только голыхъ, на большую половину совершенно голыхъ рабочихъ, съ широкими спинами, крѣпкими мышцами, которыя такъ и кричать за себя изъ-подъ кожи, являя въ японскомъ рабочемъ такого красавца, до какихъ сильно лакомы присяжныя посѣтительницы столичныхъ цирковъ. Здѣсь они не въ почетѣ, а въ бѣдности и на такихъ работахъ, которыя укрѣпляютъ ихъ мышцы, но поражаютъ насъ и непрактичностью и громадной задачей исполненія. Они кладутъ, напр. теперь, на нашихъ глазахъ, ка-

менные горы по берегу, и безъ того обладающему хорошимъ и прочнымъ грунтомъ, неимѣющимъ нужды ни въ молахъ, ни въ набережныхъ, и для того, чтобы соорудить въ одномъ мѣстѣ простую, удобную пристань, японцы громоздятъ по всему берегу широкія и высокія стѣны. Говорятъ, сооружениями этими они въ то же время надѣются защитить себя отъ европейскихъ армстронговыхъ пушекъ и отстояться отъ ловкихъ солдатъ европейской выучки. Говорятъ, въ сооруженияхъ этихъ японцы не знаютъ границъ и мѣры и, не останавливаясь ни передъ какими естественными и другими препятствіями, доводятъ ихъ до такихъ формъ, предъ которыми европейцы останавливаются въ изумленіи. По надобилось русскому консулу мѣсто для дома и состоялся приказъ сіюгуна не пускать пришельцевъ селиться въ средѣ города; не отводить имъ мѣсть удобныхъ и въ центрахъ населенія, — хакодатское начальство не задумалось. Была у нихъ на горѣ, за городомъ, великолѣпная кипарисная роща. Мѣсто это отлично согласовалось со смысломъ предписанія изъ Іеддо и видами вышаго правительства, но представляло большія неудобства и трудности въ томъ отношеніи, что гора была слишкомъ отлога, слишкомъ крута для того, чтобы можно было примѣнить къ ней русское зданіе, задуманное, по нашему обыкновенію, въ широкихъ размѣрахъ. Какъ быть? Хакодатскій губернаторъ согналъ огромныя массы рабочихъ, въ короткое время немногихъ мѣсяцевъ муравьи эти, незнающіе устали, вырѣзали изъ горы громадной кусокъ (въ нѣсколько десятковъ сажень длины и ширины), какъ разъ достаточный для того, чтобы имѣть видъ огромнаго плаца и помѣстить консульскій домъ со всеми службами, даже съ церковью и домами секретаря и доктора. Заявилъ то же требованіе англійскій консулъ и другой разъ вырѣзали изъ горы массивную трапецію, новую малую гору, изъ остатковъ которой японцы соорудили потомъ и подлѣ крутыя и высокія террасы, съумѣвшія придать и тому и другому дому изящный видъ и картинную форму. На нашихъ глазахъ массы рабочихъ вырывали иную гору и зарывали глубокой оврагъ передъ нею, чтобы дать честь и мѣсто третьему, громадному дому японскаго князя, за какія-то добродѣтели ссылаемаго сюда на житье, въ этотъ бѣдный, самый худшій изъ городовъ японскихъ, городъ Хакодате. Когда

городъ этотъ, вопреки правительственнымъ видамъ и въ силу назначенія его портомъ открытымъ для торговли и сношеній съ европейцами, сталъ быстро подниматься, выростать и, притягивая народныя массы изъ окрестностей (даже изъ сосѣдняго большаго и хорошаго города Матсма), обстраиваться, рѣка, снабжавшая Хакодате водой, осталась въ сторонѣ, не удовлетворяла нуждамъ всего города. Японское правительство не задумалось рѣшиться, при помощи тѣхъ же массъ дешевыхъ и послушныхъ рабочихъ, указать рѣкѣ новое направленіе и, прорывши искусственное русло вдоль всего города, провести ее въ море въ иномъ мѣстѣ, рѣстояніемъ въ нѣсколько верстъ отъ стараго. Нашъ консулъ увѣрялъ насъ, что стоитъ ему устроить одинъ фонтанъ, чтобы не дальше, какъ черезъ одинъ, много черезъ два мѣсяца увидѣть на губернаторскомъ дворѣ и въ губернаторскомъ домѣ такихъ же фонтановъ не одинъ десятокъ. Таковы факты, свидѣтельствующіе съ одной стороны о томъ, на сколько сильна переимчивость и торопливость подражанія, хотя и чужимъ, но хорошимъ образцамъ, въ японскомъ народѣ, и съ другой—доказывающіе то, какъ далеко и неудержимо идетъ восточная фантазія въ своихъ проявленіяхъ, основанная на досужествѣ народа, и до чего она можетъ дойти, подкрѣпляемая дешевизной труда и заработной платы, а эта, прѣимущественно къ нашему пониманію, превосходить всякую мѣру вѣроятія (но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ).

Мы идемъ дальше при звукахъ колокола, который, своимъ раскатистымъ звономъ, напоминаетъ намъ родной нашъ благовѣстъ и окончательно уподобляется ему въ нашемъ пониманіи, когда мы узнаемъ, что этотъ колоколъ точно также сзываетъ и здѣсь на молитву. Мы вѣдоль поддались и всецѣло подчинились знакомымъ впечатлѣніямъ, когда прошли одну улицу, другую и третью: улицы, грязныя, узенькія, неудобныя для проѣзда, едва пригодныя для прохода двухъ-трехъ человѣкъ рядомъ, точь-въ-точь какъ нѣкоторыя дальнія улицы Москвы бѣлокаменной, которая еще до сихъ поръ усердно оберегаетъ характеръ азіатской старины и крѣпко держится за ея немудреные порядки. Сходство, впрочемъ, на этомъ и кончается, дальше опять диковинки.

Мы видимъ улицу, длинную-предлинную и узенькую до того,

что она пригодна только для пѣшеходовъ и положительно не имѣла въ виду ѣздоковъ въ экипажахъ (развѣ только верхомъ, и то при извѣстныхъ уступкахъ). Видимъ мы эту улицу и—странное дѣло—не видимъ домовъ, не смѣемъ принять за дома темную оригинальную массу какихъ-то строений, обступившихъ съ обѣихъ сторонъ этотъ корридоръ, прикрытый сверху небеснымъ сводомъ, необычайно голубымъ, бирюзовымъ. Послѣ долгихъ усилій мы выдѣляемъ какъ будто крыши, сурово надвинувшіяся надъ чернѣтью строений и далеко выдвинувшія края свои, за которые такъ легко задръвать и стукаться лбомъ, не трудно оставить на нихъ даже глазъ пригвожденнымъ—такъ низко опускаются эти навѣсы, такъ безмысленно безобразны они улицы, и безъ того безобразныя и отъ грязи и отъ постоянныхъ заворотовъ, изгибовъ, угловъ. И только на углахъ этихъ рельефнѣе выдаются строения, и можно различать въ нихъ отверстія (высотой отъ крыши до земли), долженствующія изображать двери, съ праваго боку которыхъ идутъ по двѣ, по три также высокихъ, но вдвое бо́льшихъ шириною, рамы, обтянутыхъ тонкой, промасленной бумагой. Рамы эти—рамы оконныя; бумага замѣняетъ стекло; а при отсутствіи простѣнковъ японскіе дома ни малѣйшей ютой не напоминаютъ домовъ привычнаго, знакомаго вида и формы. Для довершенія несходства, почти во всѣхъ домахъ главной улицы рамы отодвинуты, и домъ, очутившись такимъ образомъ безъ передней стѣны, стоитъ передъ нами весь наголо, со всей своей внутренней, домашней, закулисной сущію и подноготною. Мы усердно заглядываемъ въ одинъ, въ другой, всматриваемся во внутренность третьяго и четвертаго, и видимъ въ пятомъ и шестомъ, что за бумажными рамами скрываются лавки, что почти во всѣхъ домахъ главной хакодатской улицы торгуютъ. Торгуютъ по преимуществу разными матеріями; рѣдкій изъ торговцевъ сидитъ сложа руки; всѣ заняты дѣломъ, ни въ одной лавкѣ мы не видали купца безъ трехъ-четырехъ помощниковъ, но и эти всѣ суетятся, о чемъ то хлопочутъ. Меньше дивить насъ обиліе торгующаго народа въ общей своей совокупности (покрайней мѣрѣ по главной улицѣ) послѣ того, какъ видѣли мы растянутыя верстахъ на двухъ по берегу, непрерывныя массы рабочаго народа. Не останавливаемся мы теперь на торговцахъ,

имѣя намѣреніе заглянуть въ лавки и познакомиться съ торговцами послѣ, да и потому, во вторыхъ, что передъ глазами нашими происходитъ новая, диковинная, невиданная сцена.

Мы видимъ японца, который отличается отъ всѣхъ остальныхъ на улицѣ тѣмъ, что одѣтъ и одѣтъ прилично, одѣтъ такъ, какъ одѣты таможенные чиновники. Легонькое и коротенькое пальто съ широкими рукавами накинута на плечи; при бедрѣ двѣ сабли, одна длинная, другая покорооче. На головѣ нѣтъ ничего, кромѣ неизмѣннаго хохолка изъ собственныхъ волосъ, круто напوماженнаго и замѣняющаго въ теплой Японіи поголовно для всѣхъ головную покрывку. Мы видѣли, какъ этотъ чиновникъ (баніосъ) шелъ вдоль улицы, намъ на-встрѣчу, очень скромно и вдругъ! ни съ того, ни съ сего онъ присѣлъ на корточки и наклонилъ голову. Не успѣли мы придти въ себя отъ этой неожиданности,—смотримъ, передъ нимъ уже сидитъ другой, такой же, также склонившій голову и также бережно поддерживающій рукой на боку самую большую свою саблю. Что это такое? Игра въ родѣ пѣтушьяго боя, когда этимъ чиновникамъ остается только или начать стукаться лбами до тѣхъ поръ, когда чей-нибудь да расколется; или стануть они удочать и высматривать удобную минуту, чтобы схватить другъ друга за плечи, подъ микитки, за шею, какъ нибудь по японски, и потомъ или сильному или ловкому побороть соперника? Или, можетъ быть, задумали они какую-нибудь игру въ карты, въ кости и, расположившись тутъ безъ церемоніи на улицѣ и на корточкахъ (въ Японіи такъ все своеобразно) метнуть разъ-два, да и разойдутся? Однако, мы смотримъ добрыхъ пять минутъ, но видимъ все одно и то же: то одинъ, то другой присядетъ, и оба вмѣстѣ усердно тянуть въ себя воздухъ и фыркають; лица ихъ достаточно налились кровью, щеки изрядно надулись, и самое пальто у одного изъ нихъ встало копною, какъ бы для пушгаго подобія этой смѣшной сцены съ интереснымъ боемъ индѣйскихъ пѣтуховъ. Въ чемъ же тутъ дѣло, объ чемъ эти господа хлопочуть? Мы стоимъ еще пять минутъ; но видимъ все то же: чиновники не расхodyтся. Пробоваль приподняться одинъ изъ нихъ, чтобы сдѣлать движеніе въ ту сторону, куда ему идти было надо, но присѣлъ снова, снова ухватился обѣими руками за собственныя

колѣна и опять засопѣлъ и захахакалъ. Другой повторилъ тоже движеніе, но снова присѣлъ и продѣлалъ въ свою очередь такую же штуку, видя товарища неподвижно-сидѣвшаго на короткахъ. Мы все-таки ничего не понимаемъ. Что это: игра ради потѣхи проходящей публики, дешевое и обычное представленіе какихъ нибудь чудаковъ, дурачковъ? Смотримъ въ сторону: видимъ проходящихъ, съ тупымъ равнодушіемъ относящихся къ этой сценѣ и не отдающихъ ей вниманія даже на столько, чтобы можно было видѣть, что они ее замѣчаютъ. Сцена для нихъ привычная; для насъ все-таки загадочная. Что же, наконецъ, это такое?

— Сцена встрѣчи двухъ чиновниковъ — объясняютъ намъ. А такъ долго топчутся они на мѣстѣ въ силу того желанія, чтобы скорымъ окончаніемъ докучнаго процесса не показать другъ передъ другомъ невѣжливости, крайняго непочтенія. Чѣмъ одинаковѣе чины и привилегіи—тѣмъ присѣданье это продолжительнѣе, оно длится иногда по получасу времени, дешеваго въ Японіи вообще и между японскими чиновниками въ особенности. Посмотрите какъ пѣтушится одинъ, и будьте увѣрены, что это самый фешенебельный. Другой не отстаётъ отъ него и чаще его присѣдаетъ по несомнѣнной причинѣ, что онъ хоть и равнаго чина, но поздняго производства. Я иногда съ особеннымъ любопытствомъ смотрю на эти чиновничьи продѣлки и по нимъ дохожу почти безошибочно до понятія о томъ, кто изъ нихъ крупнѣе чиномъ, даже вліятельнѣе по должности, моложе годами, подлѣе характеромъ. Конечно, если при встрѣчѣ двухъ чиновниковъ, оба присѣли, да одинъ вскочилъ на ноги прежде и быстрѣе другаго—нѣтъ сомнѣнія, что онъ присѣлъ только изъ приличія, а быстро поднялся оттого несомнѣнно, что онъ старшій чиномъ. Для равныхъ эта точка препинанія мудрена тѣмъ, что и приподниматься надо именно на столько линій (и никакъ не меньше), на сколько приподнялся другой, и подвигаться назадъ и впередъ, чтобы разойдтись и развязаться, именно въ той мѣрѣ, чтобы сдѣлать это обоимъ разомъ, въ одинъ и тотъ же моментъ! Какъ крайняя точка нелѣпости, самаго отчаяннаго абсурда, до котораго можетъ дойти страсть къ внѣшнимъ знакамъ чиновочитанія—этотъ примѣрный пѣтушиный бой можетъ служить великолѣпнымъ образцомъ и примѣромъ. Въ дру-

гомъ мѣстѣ дорожныя, уличныя встрѣчи чиновника съ чиновникомъ могли бы почестся несчастіемъ, показались бы пыткой и мученіемъ; здѣсь онѣ считаются наслажденіемъ, потому что съѣдаютъ много времени, которое мучить японца и ненавистно ему въ своемъ докучномъ теченіи. Наслажденіе этими присѣданіями и впиваньями того воздуха, которымъ дышетъ товарищъ по службѣ, этого запаха, которымъ отшибаетъ его форменное платье, съ особенною яростію смакуется японскими чиновниками стараго закала. Слой ихъ, надо сказать правду, гуще, чѣмъ тотъ, который стоитъ за сближеніе съ европейцами и который, въ благодарность за то, европейцы прозвали прогрессивнымъ. Мы, пожившіе здѣсь и присмотрѣвшіеся къ дѣламъ туземнымъ, называемъ ихъ проще—людьми молодыми, свѣжими и, что для насъ нѣсколько странно, находимъ ихъ самыми практическими. У японцевъ все въ избыткѣ, всего очень много и все дешево—стало быть, съ ними торговля дѣло выгодное и пріятное. Это пока поняли только американцы, да недавно стали домѣкать англичане (ихъ консулъ въ то же время и купецъ на собственный капиталъ); понимаютъ это и русскіе, да почему-то не торгуютъ. Первые и послѣдніе покупщики изъ русскихъ здѣсь пока офицеры и матросы военныхъ судовъ. Но на этихъ, конечно, надежда плохая (хотя Хакодате и сталь, говорятъ, поправляется на русскихъ деньгахъ). Матросы облюбили дешевую рисовую водку *саки*, да домекнулись до полушелковой матеріи на штаны. Офицеры берутъ здѣсь шелковыя матеріи, тоже необычайно дешевыя, да лаковыя вещицы въ видѣ шкатулокъ и ящичковъ. Правильная и все смекающая коммерція найдетъ здѣсь и иные предметы для выгоднаго пріобрѣтенія (ихъ очень много) и конечно получить ихъ, потому что народъ очень радъ новымъ знакомцамъ. Не рады имъ, изъ собственныхъ видовъ, только лица правительственныя. Сколько мы слышали и сколько мы сами понимать можемъ, дѣло это стоитъ въ такомъ видѣ:

Государственное устройство Японіи представляетъ Россію временъ удѣловъ. Государство раздроблено на множество отдѣльных княжествъ. Сіогунъ—свѣтскій императоръ, живущій въ Іеддо—самый богатый изъ князей, но въ такой, однакожъ, мѣрѣ, что нѣсколько князей, взятыхъ вмѣстѣ, богаче и сильнѣе его;

*

оттого феодальный союзъ всегда способенъ держать волю сіюгуна въ подчиненіи и примѣтной зависимости. Зависимость эта, ограниченная извѣстною мѣрою и законами, слаба по отношенію къ дѣламъ внутренней политики, но велика по отношенію къ дѣламъ внѣшнимъ и въ особенности къ такимъ, которыя представляютъ новый, важный, неожиданный и непредусмотрѣнный законами и обычаями вопросъ, каковъ напр. вопросъ о сближеніи съ иностранцами. Здѣсь сіюгунъ не самопроизволенъ и хотя бы онъ и желалъ этого сближенія, видѣлъ въ немъ пользу для народа, какъ видитъ ее настоящій сіюгунъ,—онъ ничего не въ силахъ сдѣлать, когда не желаютъ этого князья, и не всѣ, а даже нѣкоторые. Двое изъ нихъ замѣчены въ особенной ненависти къ пришельцамъ и только интригамъ этихъ двухъ обязана Японія тѣмъ, что иностранцы не могутъ стать твердой ногой на японскую почву и терпятъ повсюду стѣсненія. Когда, по происканію дипломатіи, подкупами баніосовъ и по доброй волѣ сіюгуна, сдѣлались доступными и открытыми пять портовъ для судовъ европейскихъ, интриги двухъ враждебныхъ европейцамъ князей указали на такіе города, большая половина которыхъ представляла мало удобствъ для торговли, были города самые бѣдные, меньше другихъ населенные и неторговые; между ними первый открытый по времени—нашъ Хакодате—положительно самый худшій изъ городовъ японскихъ; во второмъ, открытомъ черезъ годъ, интрига князей сдумала отвести для европейскихъ жилищъ самое нездоровое и неудобное мѣсто, внѣ города, на маленькомъ морскомъ острову, и проч. (*) Затѣмъ, когда одинъ изъ князей, рьяный фанатикъ своей идеи, подкупилъ убійцу для того, чтобы убить англійскихъ купцовъ въ Канагавѣ и нашего мичмана съ матросами въ Нагазаки, сіюгунъ могъ наказать его арестомъ (и то послѣ многократныхъ и настоятельныхъ требованій европейцевъ), арестомъ въ его же собственномъ дворцѣ, и все-таки не помѣшалъ ему снарядить изъ-подъ ареста новую шайку убійцъ, присланныхъ имъ въ Хакодате для убійства тамошняго англійскаго консула. Въ послѣднее время объявился европейцамъ

(*) Вотъ названіе этихъ пяти японскихъ портовъ, открытыхъ европейскимъ судамъ: Нагазаки (тоже Іеддо), Канагава, Юнагама, Симода и Хакодате.

новый врагъ, неожиданный, не такъ давно и всѣми считавшійся безопаснымъ; это сластѣна, потерявшій всю силу фактическаго вліянія, жившій только въ собственное удовольствіе и сильный единственно преданіемъ,—духовный императоръ, Микадо (дапри)—обитатель великолѣпнаго дворца въ Міако. До сихъ поръ знали, что предки Микадо, ослабленные какимъ то изъ весьма давнихъ сіюгуновъ и отстраненные имъ отъ дѣлъ государственныхъ, заперты были во дворцѣ; надѣленные всевозможными благами жизни, получили нѣсколько десятковъ женъ въ утѣшеніе; окружены были всевозможною роскошью, недозволявшею имъ напр. надѣвать одно и то же платье два раза; а такъ какъ въ силу этого обыкновенія надобилось несмѣтное множество шелковыхъ матерій, какъ для него, такъ и для всего множества женъ его, то влѣдствіе того въ Міако развились и сосредоточились фабрики шелковыхъ издѣлій. Рядомъ къ нимъ пристроились другія, затребованная роскошью и ею порожденная всевозможная заведенія, а между ними и фабрики лаковой мебели, какою справедливо гордится Японія. Ко дворцу прильнула литература и музыка, и всѣ изящныя искусства—и микадо стали покровителями и блюстителями всего умственнаго движенія японскаго народа, въ разрѣзъ сіюгунамъ, которые стали такимъ образомъ руководителями административной и политической жизни его. Недалеко увели они свой народъ въ нравственномъ развитіи; а что неспособны они вести его никуда, объ этомъ домыслился самъ народъ, ни разу не оскорбившій европейцевъ, ни разу не показавшій имъ явно своего недобротства; народъ японскій, какъ прежде, такъ и теперь, дружелюбно улыбается новымъ пришельцамъ и охотно уступаетъ имъ дорогу и сторонится, чтобы пропустить ихъ къ себѣ, даже и въ то время, когда миссіонеры беззубаго буддизма стали разжигать его мертвенный религіозный фанатизмъ и когда во главѣ его хочетъ встать самъ невидимый, не умирающій, божественный микадо. До сихъ поръ японцы были безразличны къ вѣрѣ своей, да едва ли она и способна возбуждать и дѣйствовать на живыя струны народа; они, кажется, всѣ не за вѣру, а за тотъ практическій жизненный смыслъ, который пособилъ японцамъ выработать необыкновенную даровитость (замѣчательную воспріимчивость и таланты подражанія). Механики

ихъ не много разъ побывали на невиданной ими дотолѣ голландской шкунѣ и черезъ годъ, безъ руководства и указаній, по собственнымъ наблюденіямъ и чертежамъ построили точно такое же судно и переплыли на немъ съ острова Нипона на островъ Езо. Случаевъ такихъ рассказать можно много; но важно одно, что буддизмъ, въ которомъ не безъ справедливаго основанія многіе находятъ признаки и проявленіе холоднаго и безразличнаго атеизма, не мѣшалъ развитію японскаго народа, хотя и одностороннему, не тормозилъ тѣхъ поступательныхъ движеній, которымъ во многихъ другихъ государствахъ противостояла правительственная церковь, католическая, напр.. Здѣсь врага народнаго должно искать въ другомъ правительственномъ двойникѣ—въ сіогунѣ съ его баніосами—привилегированномъ сословіи чиновниковъ. Эта безчисленная, лишившая народъ права носить оружіе и въ тоже время сама трусливая и непроизводительная масса, щедро разсыпанная по всему лицу государства и сидящая на народѣ голоднымъ паразитомъ, при видимомъ уваженіи пользуется глубокимъ презрѣніемъ народа.

Систему стѣсненія народа повсюду, гдѣ встрѣчается случай, чиновничество довело до крайнихъ и возмутительныхъ предѣловъ. Мы запомнили себѣ въ поученіе одинъ случай, произшедшій у насъ передъ глазами, и въ другихъ уже мало нуждались. Между хакодатскими купцами намъ въ особенности понравился одинъ славный парень, добрый человѣкъ, самый ласковый и доброжелательный японецъ. Множество услугъ оказалъ онъ намъ, правда пустыхъ и малозначущихъ, но оказалъ онъ ихъ готовно и всегда при первомъ вызовѣ. Надобилась намъ шелковая матерія—онъ назначилъ ей съ перваго слова такую цѣну, на которую соглашались другіе купцы, только крѣпко и настойчиво поторговавшись. Хотѣли мы имѣть товаръ, какового не было у него въ лавкѣ, онъ посылалъ за нимъ къ сосѣду и, покупая у него на себя, всегда передавалъ его въ наши руки за такую цѣну, какой намъ, чужеземцамъ, личными усиліями никогда бы не добиться, и проч. и проч. Вотъ за эти то одолженія мы хотѣли угостить его, по нашему русскому обычаю, у насъ на корветѣ, гдѣ имѣлось и столько любимое японцами шампанское съ игрой и сладостію (хотя и сѣверно-американскаго дѣла). Мы предложили ему

эту поѣздку. Ризо Рюгони (нашъ пріятель) охотно согласился и видимо былъ крайне доволенъ и счастливъ, но оговорился: надо, говорить—спросить позволенія у чиновниковъ въ тамождѣ. Разсчитывая видѣть въ этомъ желаніи его простую вѣжливость, только простую уступку заведеннымъ формальностямъ,—мы пошли за нимъ въ тамождню; видѣли какъ онъ палъ ницъ передъ какимъ то чиновникомъ, и разговаривалъ съ нимъ, едва поднимая отъ полу голову, едва шевеля губами. Послѣ такого униженія и такихъ подобострастныхъ, унижительныхъ заискиваній, успѣхъ его просьбы казался намъ несомнѣннымъ. Можете себѣ представить нашу отчаянную досаду и едва выносимую обиду послѣ того, когда возвратившійся Рюгони объявилъ намъ (да и объявилъ то не въ зданіи тамождни, а гдѣ то за угломъ, въ самомъ укромномъ и вѣроятно по его понятію безопасномъ мѣстѣ), объявилъ съ простодушіемъ и хладнокровіемъ наивнаго ребенка, что чиновникъ ѣхалъ ему къ намъ въ гости не позволилъ, а на другой день Рюгона объявилъ, что сегодня утромъ онъ принужденъ былъ заплатить не малую толику денегъ тому же чиновнику за то только, что онъ смѣлъ вчера сложить въ головѣ такую возмутительно-либеральную просьбу и могъ уложить тамъ такую дерзкую, оскорбительную для чести всего японскаго народа надежду. Но Рюгони былъ скрытенъ и несомнѣнно боязливъ по дешевому чувству самосохраненія. Скрытнымъ ему нельзя было не быть, когда въ лавку его, чаще другихъ посѣщаемую русскими, приставленъ былъ самый опытный и злой шпионъ, въ видѣ рловатаго и сытаго японца. Рюгони вообще про чиновниковъ говорилъ намъ мало, но охотно сдѣлалъ насъ свидѣтелями слѣдующей сцены.

Въ лавку его, когда мы отбирали въ ней какія то шелковыя матеріи, вслѣдъ за другими японцами, праздно и изъ простаго любопытства взгляды на насъ, явился японецъ съ бритой головой, на что, какъ извѣстно, имѣютъ право только доктора да бонзы (духовенство). Впрочемъ, еще до этого мы слышали на улицѣ какой то непонятный, дикій ревъ и только за неумѣнемъ спросить—не могли узнать причины. Теперь, когда появился передъ нами бритый японецъ, оказавшійся на этотъ разъ бонзой (что легко можно было заподозрить и по

его оригинальному наплечнику изъ матеріи, въ родѣ нашего газета, съ двумя длинными концами, висѣвшими на груди) —Рюгони предложилъ намъ сказать этому бонзѣ какое то длинное слово. Слово это мы съ трудомъ вымолвили и слышали тотъ же дикій ревъ, теперь надъ самымъ ухомъ. Ревъ этотъ вызвалъ легкую улыбку на лицахъ всѣхъ обступившихъ насъ японцевъ, а отъ насъ запросъ:

— Что же такое это значить?

— Бонза молится за тебя и за твоихъ родныхъ и славить боговъ нашихъ—отвѣчалъ намъ ломанымъ языкомъ нашъ Рюгони въ такомъ смыслѣ. Дай ему двѣ желѣзныхъ монеты—онъ еще запоетъ.

Бонза дѣйствительно заревѣлъ еще усерднѣе и безобразнѣе, до того, что намъ уже стало невыносимо. Мы попросили у Рюгони завѣтнаго слова и были несказанно счастливы, когда, выговоривши это слово,—не видали уже бонзы въ лавкѣ и передъ собою.

— Теперь бонза счастливъ на цѣлый день. Вы ему дали столько, чего не собрать ему у десятка купцовъ, изъ которыхъ не всѣ охотники его слушать, и никто не заказываетъ, развѣ для потѣхи или когда онъ самъ навяжется и запоетъ—объяснялъ намъ Рюгони.

— А что же сдѣлаетъ онъ съ нашими деньгами?

— Половину спрячетъ; на другую половину саки купить: станеть пить ее. Имъ въ монастырѣ скучно жить. Идетъ туда тотъ, кто работать лѣнивъ.

— Но будетъ вамъ моихъ разговоровъ; идите сами и смотрите. Здѣсь много диковинокъ почти на каждомъ шагу—заключилъ свою рѣчь нашъ словоохотливый чичероне.

— Вотъ вамъ первая—продолжалъ онъ на пути нашемъ къ консульскому дому.

Изъ-за угла выскочила огромная желтая собака и, увидѣвши насъ, быстро схватила съ мѣста, порывисто уркнула и опроретью бросилась назадъ, словно ошпаренная кипяткомъ или ошеломленная палкой. И, спрятавшись далеко за угломъ, она все-таки съ великаго перепугу не лаяла.

— Гдѣ вы въ другомъ государствѣ, а особенно въ нашемъ

россійскомъ, встрѣтите такихъ диковинныхъ собакъ, которыя боялись бы проходящихъ и бѣгали отъ нихъ и не лаяли? Видно и мы съ вами въ свою очередь диковинка.

— Отгадайте: кто продаетъ эти груши: мужчина или женщина?

Отгадать невозможно: лица одинаково грубоватыя, одинаково некрасивыя. Даже костюмъ одинъ и тотъ же: широкій халатъ, плотно обвернутый кругомъ стана, до того плотно, что дѣлаетъ ноги мало свободными и шаги японцевъ коротенькими, поступь медленною.

Съ перваго раза отличить мужчинъ отъ женщинъ не можемъ и простосердечно нуждаемся въ ключѣ къ пониманію разницы.

— Отвѣтъ не мудреный. Женщины только и завертываются въ эти халаты, при которыхъ полагается широчайшій изъ черной матеріи поясъ; другаго платья не носятъ. У мужчинъ, у купцовъ, напримѣръ, этотъ же халатъ идетъ въ основаніе костюма, замѣня всякаго другаго исподняго платья. Сверхъ его полагается коротенькое пальто съ широчайшими рукавами, на манеръ рукавовъ нашихъ священниковъ и съ тою разницею, что нижняя часть рукава до половины плотно зашивается. Это единственные (два) японскіе кармана, куда они кладутъ свою мягкую бумагу (въ родѣ чайной китайской); на ней онъ и пишетъ, что нужно для памяти, въ нее и носъ сморкаетъ, объ нее и руки вытираетъ за обѣдомъ; она, стало быть, и носовой платокъ, и салфетка, и запасная памятная книжка. У мушны съ лѣваго боку неизмѣненъ кисетикъ съ табакомъ и маленькой трубочкой (ганзой) и мѣдная чернилица съ кистью и разведенною тушью (японцы всѣ грамотны); на головѣ у мужчины непременно пучокъ, въ формѣ селетки, и половина головы спереди бритая. У женщинъ дѣлая кипа на головѣ и бритва не смѣетъ касаться ихъ вѣтряныхъ головъ: въ этомъ ихъ главное отличіе отъ мужчинъ, и вычерненные зубы—принадлежность замужней; бѣлые же, неиспорченные по нашему, — единственное отличіе дѣвушки. У купца бываетъ иногда за поясомъ одна сабля, коротенькая, и то если онъ право на нее купить, изъ тщеславія, при чемъ заплатитъ очень большія деньги, какъ платятъ ихъ за медаль кунцы наши; у чиновника непременно двѣ сабли: одна, какъ наша шашка,

длинная, другая какъ кинжалъ или поварской ножъ, коротенькая. Первой саблей палачъ рубить чиновникамъ головы, второй, маленькой, онъ вскрываетъ самъ себѣ брюхо, когда выйдетъ на это повелѣніе, отдаваемое обыкновенно, какъ милость, самымъ вѣрнымъ и ревностнымъ, за прегрѣшеніе, которое кладетъ голову нечиновнаго на плаху подъ позорную руку презрѣннаго палача (*). Но важнѣе и рѣзче другихъ бросающееся въ глаза отличие чиновника отъ простыхъ и глубоко презираемыхъ имъ смертныхъ состоитъ въ правѣ носить штаны. Штаны эти, составляя единственное исподнее платье, замѣняющее купеческій халатъ, могутъ носить исключительно одни только чиновники, да носятъ ихъ еще дѣти этихъ чиновниковъ—отъ рожденія привилегированное сословіе. Въ штанахъ у японцевъ великая сила, за то они и шьются такимъ оригинальнымъ, неловкимъ, не нашимъ покроємъ, съ доской назади.

А вотъ и еще одно обстоятельство, кажется, также исключительно японское и тоже диковинное.

Проводникъ нашъ отворилъ двери въ одинъ изъ спопутныхъ домовъ и пригласилъ насъ туда и самъ пошелъ впереди рѣшительнымъ шагомъ, смѣло-увѣренною поступью.

Мы очутились въ банѣ. Баня отличалась отъ нашихъ неизмѣнныхъ, любимыхъ всѣмъ всероссійскимъ народомъ, только тѣмъ, что не была такъ безпредѣльно-жарко натоплена, а содержала температуру, равную уличной, нагрѣтой жаркимъ июльскимъ солнцемъ, да притомъ и въ Японіи. Мужчины и женщины мылись вмѣстѣ, какъ нѣкогда дѣлали это и въ древней Руси, какъ дѣлаютъ это и до сихъ поръ въ торговыхъ баняхъ очень многихъ дальнихъ и безхитростныхъ губернскихъ городовъ нашихъ (†). Въ древней Россіи даже чернецы и черницы мылись и парились вмѣстѣ, въ одной общей банѣ. Появленіе насъ, диковинныхъ людей, въ костюмѣ и по костюму, встрѣчено было мывшимися японцами съ тѣмъ же хладнокровнымъ равнодушіемъ, съ

(*) Японія выработала убѣжденіе и оформила его закономъ и обычаями: что чѣмъ выше и старше власть, тѣмъ на случай прегрѣшенія сугубѣе наказаніе.

(†) «И мужчины и женщины, свидѣтельствуетъ Н. И. Костомаровъ, входя и выходя изъ бани въ одну общую дверь, встрѣчались другъ съ другомъ нагишомъ, закрывались вѣниками (японцы и японіи шайками) и безъ особеннаго замѣшательства разговаривали между собою».

какимъ смотрѣли на насъ японцы и въ другихъ, менѣе рискованныхъ и болѣе безопасныхъ экскурсіяхъ.

Къ числу послѣднихъ мы относимъ посѣщеніе нами перваго попавшагося намъ на пути буддійскаго храма. Въ этотъ день тутъ былъ праздникъ. Отъ входныхъ воротъ черезъ дворъ до дверей храма сидѣли въ два ряда торговцы и торговки съ разною диковинною съѣстною благодатью, разныхъ формъ и цвѣтовъ, преимущественно со сладостями. Тутъ же на мѣстѣ нѣкоторые изъ торговцевъ, по заказу желающихъ, дѣлали изъ сладкаго тѣста разныя фигуры; изъ нихъ инныя можно было потомъ показывать только изъ подъ полы, для веселыхъ любителей. Видѣли мы и походную картинную лавочку, продававшую печатанныя красками изображенія необычайнаго толстяка, даже безъ штановъ и халата, но съ какимъ то огромнымъ поясомъ. Это непомѣрной и каррикатурной толщины чудовище должно изображать того бога, въ честь котораго совершалось празднество и ради котораго весь дворъ храма и улица, ведущая къ нему, увѣшаны были разноцвѣтными и разнокалиберными фонарями на столбахъ и на веревкахъ.

Фонари зажгутъ вечеромъ, и японцы всѣмъ городомъ начнутъ, какъ тѣни, бродить вдоль города. Запоютъ свои горловые гортанныя пѣсни давленными голосомъ и защелкаютъ соломенными башмаками, которыя, между прочимъ будь сказано, сохраняютъ ихъ чѣлки въ такой чистотѣ, что ни единая капля грязи къ нимъ не прикасается. Такъ ловко ходить и такъ кокетливо-опрятно сохранять свои чѣлки и башмаки могутъ только одни замысловатые японцы. А между тѣмъ, хакодатская грязь смѣло можетъ поспорить съ любой изъ русскихъ уѣздныхъ и съ осеннею и зимнею петербургскою грязью.

Но мы вошли въ храмъ и были при самомъ входѣ поражены необыкновенною чистотою и красивымъ узоромъ особаго дѣла японскихъ циновокъ, разостланныхъ по полу. Деревянные калоши молеельщиковъ оставались при входѣ, какъ и въ мусульманскихъ мечетяхъ. И какъ тамъ нѣкогда, такъ и здѣсь теперь, насъ пригласили вытереть ноги и не помѣшали намъ пройти далеко въ самую внутренность храма, чтобы видѣть, что, поджавши подъ себя ноги, на чистыхъ циновкахъ, сидѣли только женщины,

однѣ только женщины, но и тѣ въ примѣтно-ограниченно́мъ количествѣ. Храмъ былъ почти пустъ, но и молеельщицы въ халатахъ и съ огромными головами, тотчасъ, какъ взошли мы, обернулись къ намъ, смотрѣли на насъ пристально и настойчиво провожали насъ глазами, когда мы пошли за колонны, и тамъ не спускали съ насъ черныхъ глазъ своихъ, хотя въ это время съ возвышеннаго амвона, лицомъ къ народу, говорилъ бритый бонза крикливую проповѣдь. Въ чемъ состоялъ отрывокъ застигнутой нами проповѣди, мы могли понять изъ перевода, сдѣланнаго намъ проводникомъ, по счастію отлично понимавшимъ по японски.

«Вотъ, сегодня, говорилъ бонза, празднуемъ мы день строгаго, строптиваго бога, который любитъ на землѣ тишину и миръ. Но знаю васъ, что не молитвой вы станете прославлять его строгость, а начнете пить саки и напьетесь до пьяна».

И при словахъ этихъ бритый бонза ловко раскинулъ въ правой рукѣ очень красивенькій вѣеръ и, кокетливо-лукаво улыбаясь, граціозно помахалъ имъ на лицо и говорилъ дальше:

«Въ пьянствѣ, нехорошіе вы люди, въ пьянствѣ, скажу я вамъ, много пороковъ, и главный изъ нихъ—это блудъ».

И опять лукавая улыбка и снова ловко свернутый одной рукой и однимъ взмахомъ вѣеръ, опять съ легонькимъ пріятнымъ шумомъ развернулся и освѣжалъ бритую и мокрую отъ невыносимой жары и учености голову японскаго мудреца. Мудрецъ уходилъ далеко, поднималъ голосъ до выкриковъ, перечисляя пороки отъ пьянства до безконечныхъ и фантастическихъ подробностей; говорилъ съ увлеченіемъ, на распѣвъ, тѣмъ речитативомъ и съ той интонаціей, подобіе которой незачѣмъ искать только въ Японіи или въ единовѣрномъ ей Китаѣ.

Мы не могли много слушать проповѣдника, сколько и потому, что говорилъ онъ больше общими мѣстами, хотя и логично-последовательно, но говорилъ языкомъ, для насъ непривычныхъ и непосвященныхъ, не благозвучнымъ, гортаннымъ; къ тому же намъ хотѣлось осмотрѣть внутренность храма. Она показалась намъ проста до невозможности и до того же общаго мѣста, каковымъ поразила насъ и сейчасъ и мелькомъ прослушанная проповѣдь. Въ серединѣ: главный храмъ, по задней стѣнѣ котораго разставлены

были бурханы, размалеванные красками, неизмѣющіе человѣческаго подобія, уродливые, но для насъ, пришельцевъ, не страшные. Впереди бурхановъ возвышенное мѣсто кафедры, пустой теперь, вѣроятно потому, что съ нея имѣетъ право говорить только самый чиновный, самый старшій бонза; еще впереди та вторая кафедра, передъ которой сидитъ нашъ знакомецъ, вѣроятно менѣе чиновный бонза, все еще кокетливо улыбавшійся и мастерски свертывавшій и распускавшій свой бумажный вѣеръ. Направо и лѣво отъ главнаго храма два придѣла. Мы вошли въ правый, сходимъ въ лѣвый, и тутъ и тамъ нашли около заднихъ стѣнъ на полочкахъ одно и то же—безчисленное множество маленькихъ дощечекъ съ надписями. Надписи обозначали имена умершихъ, по объясненію знатока Японіи. Передъ дощечками стоялъ въ чашечкахъ рисъ, сахарный песокъ, лежали пряники, сладкія и сдобныя булочки. Это—приношеніе въ честь умершихъ, на ихъ поминовеніе, какъ объяснилъ намъ тотъ же знатокъ Японіи и ея замысловатыхъ обычаевъ. Передъ дощечками и передъ бурханами въ главномъ храмѣ горѣли толстыя, размалеванныя разными яркими красками свѣчи, такія впрочемъ, канихъ въ обыденномъ употребленіи у частныхъ лицъ по домамъ встрѣтить невозможно.

Дальше, въ храмѣ, смотрѣть намъ было нечего.

Мы вышли на дворъ и въ лѣвомъ углу, на особенномъ возвышеніи, увидѣли огромный колоколь и подлѣ него большую деревянную колотушку.

— Хотите звонить—объяснялъ намъ проводникъ нашъ—запрещенія на то не полагается. Японцы даже будутъ рады и примутъ вашу любезность, за настоящую монету. Люди они простые и во всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ крѣпко увѣренные.

Мы позвонили; звонъ—пріятный и несется далеко, едва ли не черезъ весь городъ. Наполнявшіе дворъ японцы на насъ не кинулись, насъ не разорвали; ближніе, дѣйствительно пріятно и умильно осклаблялись. Одинъ даже погладилъ насъ по спинѣ, когда мы проходили мимо его, прямо въ кельи, принадлежавшія монахамъ этого монастыря.

Тамъ мы нашли сравнительно убогое, бѣдное помѣщеніе, но ту же педантическую чистоту, какъ и повсюду въ жили-

щахъ японскихъ: циновки красивыхъ узоровъ и глянцеви-таго плетенья на полу; выкрашенные самыми яркими японскими цвѣтами и лакированные (*) шкапики, этажерки по угламъ; одна комната выходила въ другую высокую и широкую дверь, которая задвигалась такими же рамами съ прозрачной бумагой, какія мы видѣли и въ лавкахъ главной хакодатской улицы. Въ одной изъ комнатъ нашли мы бонзу, который почему то не пошелъ въ храмъ, но, увидѣвъ у насъ въ рукахъ вѣеръ, присталъ къ намъ, знаками просилъ себѣ въ подарокъ, усердно и низко кланялся всей спиной и, хватаясь руками за колѣнки, хахакалъ и таки-выклячилъ себѣ вѣеръ. И чтобы показать свое удовольствіе и пушую благодарность, онъ тутъ же, скривъ серьезную мину, заревѣлъ во все горло и раскинулъ вееръ съ небольшою ловкостью и удалствомъ, какъ и тотъ бонза, котораго видѣли мы въ храмѣ.

— Такъ-вотъ онъ будетъ кокетничать передъ дамами завтра, когда наступитъ его очередь—объяснялъ намъ проводникъ—и вашъ вѣеръ удостоится неожиданной чести и самаго приличнаго ему употребленія, какъ подсказываетъ мнѣ для сообщенія вамъ и самъ бонза, немножко подкутнувшій теперь. Ужо, къ слову сказать, онъ совсѣмъ будетъ пьянъ: безъ языка и безъ движенія. Здѣсь ни одинъ праздникъ меньше трехъ дней не бываетъ и незнаю я другаго государства, кромѣ Рима и Испаніи, гдѣ бы больше было праздниковъ, гдѣ бы такъ беззаботенъ былъ народъ, и такъ бы весело прогуливалъ свою жизнь, подчиненную волѣ чужаго произвола и власти чиновниковъ, у которыхъ для каждой головы, и для каждаго брюха по двѣ сабли, какъ вамъ уже теперь доподлинно стало вѣдомо.

(*) Скажемъ разъ на всегда, что наведеніе лаку (который не боится горячей воды и замѣчательнъ прочностью и глянцевиостью) составляетъ секретъ. Нашъ консулъ—страстный любитель энтомологіи—задумалъ для своихъ насѣкомыхъ сдѣлать шкапы. Мастеръ, японецъ, не иначе согласился лакировать, какъ въ запертой комнатѣ и притомъ совершенно безъ свидѣтелей. Ни за какія деньги онъ не рѣшился открыть иностранцу секрета. Окончивши работу, совѣтовалъ нѣсколько дней держать окна отворенными; но консулъ, по разсѣянности, притворилъ окно (однако для черезъ три по окончаніи работъ лаковыхъ), съ подчаса покопался съ бабочками и кончилъ тѣмъ, что уналъ на полъ, отравленный еще свѣжими лаковыми испареніями, какъ бы угаромъ. Лакъ этотъ, какъ извѣстно, приготавливаютъ изъ особаго лаковаго дерева, которое первоначально росло только на южныхъ островахъ Японіи, но теперь имъ засадили даже большую часть острова Езо.

— Идемъ дальше! Вотъ стучать въ бубны: это просятъ милостыни, нищѣ; добра этого здѣсь несравненно больше, чѣмъ даже въ католическихъ Римѣ и Неаполѣ. Нѣтъ только воровства и ночныхъ грабежей, потому что по здѣшнимъ законамъ, если и нѣсколько копѣекъ украсть—голову рубятъ. Народа здѣсь не жалѣютъ; добра этого также много. Прежде не проходило здѣсь дня безъ казней. И меньше стали рубить головы на плахахъ и сжигать на кострахъ живыми въ настоящее время потому, что японское правительство догадалось наконецъ дать живымъ людямъ приличное назначеніе; т. е. смягчивъ суровость закона, оно за преступленія, обрекающія голову на плаху, стало посылать въ ссылку на Сахалинъ. Островъ этотъ японское правительство недавно только признало японскимъ и скоро населить его своими преступниками, весь до самой вершины Айны; южные жители потянулись къ сѣверу и въ середину острова, вытиснутые пришельцами съ южныхъ острововъ: Езо, Нипона, Кіу-Сіу и Санкока. На островахъ этихъ въ теченіе множества лѣтъ (которымъ японцы даже не знаютъ вѣрнаго счета), скопилось до того густое и тѣсное населеніе, что государство выработало преступный взглядъ и возмутительное убѣжденіе, по которымъ народъ для него дешевле пареной рѣпы. Рѣпу эту оно снисходительно употребляетъ для личнаго своего пользованія, если она ядреная и здоровая, и охотно мнетъ ее, рѣжетъ и бросаетъ прочь, если ее хоть на крупницу, хоть на ничтожную дозу хватила гниль и порча. Больныхъ мѣсть здѣсь не лечатъ терапевтическими средствами, а пользуются единственнымъ, известнымъ имъ способомъ леченія, посредствомъ ножа или сабли (что одно и то же); потомъ и отрѣзанную часть и цѣлое обыкновенно сжигаютъ. Здѣсь, впрочемъ, жгутъ всѣхъ, даже и тѣхъ, которые воспользовались завиднымъ счастьемъ умереть собственною смертію. Японцы разсудили такъ, что если на такихъ пространствахъ, какія имѣются на трехъ островахъ, закапывать всю умирающую и умерщвляемую массу народа, кладбище одно будетъ имѣть видъ отдѣльнаго и цѣлаго государства; гниющія тѣла заражали бы воздухъ, скопляли гнилые и вредные міазмы, которые были бы губительны для живаго населенія, не смотря на то, что Японію хорошо продуваетъ и отлично вывѣтриваетъ. «Пепель, то ли

дѣло!»—думаютъ японцы и умершаго обыкновенно сажаютъ на корточкахъ въ бочку и жгутъ: пепель отъ тѣла и обуглившіяся кости складываютъ въ небольшой сосудъ, долженствующій занять крошечное мѣсто въ землѣ, которою крѣпко дорожитъ японское правительство. Сосудъ этотъ и ставятъ въ эту дорогую и цѣнную землю, предварительно три дня продержавши въ храмѣ, вѣроятно въ видѣ—говоря по нашему—отпѣванья. Хоронять, впрочемъ, съ торжествомъ и на общемъ кладбищѣ ставятъ также тщеславно-кичливые и кричащіе памятники. Объ этомъ и здѣсь не стоять!

Для того, чтобы судить о равнодушіи японцевъ къ жизни, тупомъ равнодушіи этомъ, воспитанномъ въ народѣ самимъ правительствомъ, которое установило немилостивые законы и породило обиліе смертныхъ казней, вовсе не нужно быть свидѣтелями закулисныхъ домашнихъ сценъ у тѣхъ чиновниковъ, по милости сіюгуна вскрывающихъ себѣ брюхо, надрѣзая его по извѣстнымъ приемамъ и разъ установившимся образцамъ. Сходите за городъ, на обширную площадь, гдѣ не сегодня, такъ завтра непременно будетъ гдѣнибудь и какаянибудь смертная казнь. Въ стѣнахъ тюремныхъ рубятъ головы почти каждый день, но безъ свидѣтелей: изъ шести палачей, одинъ самый ловкій и лучший, обязанъ отхватить голову однимъ взмахомъ, по командѣ остальныхъ пяти товарищей, которые откашливаютъ одно слово: «*хха*». Если онъ не отрубитъ головы съ одного взмаха, ему велятъ испоротъ собственное брюхо. Съ этой то вотъ стороны японцы и кажутся намъ такимъ звѣрскимъ, жестокимъ народомъ и по этой-то выработанной привычкѣ считать собственную жизнь ни во что, они равнодушно относятся и къ чужой жизни. Отсюда понятно намъ легкое и дешевое пріобрѣтеніе наемныхъ убійцъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, удобное не только для сильныхъ и вліятельныхъ князей, но и для простыхъ людей, нежалѣющихъ одного или двухъ золотыхъ кобановъ (*). Мы полагаемъ на этомъ основаніи, что жизнь евро-

(*) Овальная, тоненькая, пластинчатая золотая монета, рѣдкая въ Японіи и и равняющаяся стоимости нашихъ шести руб. сер. (съ какими то кобанѣями). Серебряная четырехугольная монета, *шебу*, стоитъ на наши деньги 43 коп. сер. Она дробится на $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ также четырехугольными; четырехугольную японцы золо-

пейцевъ, дешевая для народа по сознанию и досадная правительству по принципу, всегда въ опасности и всегда будетъ подчиняться острымъ японскимъ саблямъ, булатъ которыхъ, какъ давно извѣстно европейцамъ, не имѣетъ на всемъ свѣтѣ соперниковъ. И прежніе и недавніе факты этого рода не позволяютъ намъ сомнѣваться въ томъ (*). Мы не сомнѣваемся и въ томъ замѣчаніи, что народъ не только равнодушенъ къ чужой крови (а тѣмъ паче крови иноземцевъ), но даже доволенъ и счастливъ, когда приглашаютъ его быть свидѣтелемъ загородныхъ казней. Все людное населеніе Хакодате бросилось за городъ, когда назначена была казнь преступника, покусившагося поджечь здѣшное адмиралтейство. Бѣжали, впрочемъ, за городъ одни только мужчины; женщины прятались въ заднихъ покояхъ, и тѣ изъ нихъ, которыя были застигнуты на улицѣ, въ то время, какъ вели по ней преступника, опрометью кидались въ закрытыя мѣста, за углы, съ глазъ долой, чтобы онъ не осквернилъ ихъ брошен-

тять немного и приглашаютъ иностранцевъ считать ее за поль-ицебу. Ицебу дробится, сверхъ того, еще на *семьсотъ кашу*; а каша, круглая фугунная монета съ четырехугольнымъ отверстиемъ въ срединѣ. Въ отверстие это продѣвается соломённый жгутикъ, на которомъ и носятъ эти монеты, какъ бы у насъ въ Россіи баранки. Не смотря на такую поразительную дробность монетной величины, каждая каша имѣетъ практическое, осязательное значеніе; такъ напр. за одну эту кругленькую жёлзку цирудльникъ насаливаетъ хохоль на головѣ и брѣтеть всѣ необходимыя мѣста на лицѣ. А бритье то обязательно даже для крайняго бѣдняка.

(*) Нельзя не винить въ этомъ дѣлѣ и самихъ европейцевъ. Вотъ для примѣра хакодатскіе недавніе случаи. Портерръ, торгующій въ этомъ городѣ (дѣйствительно портеромъ и разною съѣстною благодатью, устроившій при этомъ, родъ трактира для нашихъ офицеровъ), имѣетъ собаку. Мимо квартиры этого англичанина идетъ пьяный японскій чиновникъ; собака хватаетъ его за ноги и кусаетъ до крови. Японецъ выхватываетъ саблю. Движеніе это замѣчаетъ то же пьяный Портерръ, выскакиваетъ съ товарищами на улицу—бьетъ чиновника; связываетъ ему руки и ноги—опять колотить и тащить къ своему консулу. Консулъ надѣваетъ колодки и арестуетъ у себя. Губернаторъ требуетъ—не даютъ. Вступился надъ—чиновника выдаютъ, но японца лишаютъ обѣихъ сабель, т.е. налагаютъ такое наказаніе, которое едва выноσιμο для японскаго чиновника. Самъ англійскій консулъ катается и, пьяный самъ, давитъ пьянаго, понавшагося ему на дорогѣ. Другой разъ, онъ же бьетъ хлыстомъ чиновника, загорюдившаго ему дорогу, и когда тотъ выхватилъ саблю, онъ его вяжетъ и тащить къ губернатору. Тотъ же Портерръ, подстерегши вора ночью и, кинувшись за нимъ, выстрѣливаетъ всѣ пули изъ револьвера; при осмотрѣ тѣла не нашли въ спицѣ изъ шести только двухъ пуль. Но всѣхъ случаевъ не перечислишь. Въ Хакодате англійскаго консула дразнятъ мальчишки. Въ Еддо и Канагавѣ англичанъ рѣжутъ.

нымъ на нихъ взглядомъ. Въ этотъ часъ закрыты и заперты были всѣ лавки по пути, чтобы такимъ образомъ зловѣщій и нечистый взглядъ преступника, не опоганилъ и товаровъ, не обездолилъ бы торговли, не затормозилъ бы барышей. Мы ходили также, ходили какъ будто за тѣмъ, чтобы убѣдиться, до какого равнодушія, даже отупѣлаго хладнокровія и безпредѣльнаго безучастія можетъ дойти народъ, присмотрѣвшійся къ казнямъ, развращенный ими. Самъ преступникъ шелъ къ костру такъ смѣло и храбро, съ такимъ безжизненнымъ и тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, что мы испугались и вознегодовали въ немъ за человѣка вообще, сколько ненавидѣли въ тоже время законъ, допускающій и оправдывающій подобныя зрѣлища. Мы примирились съ преступникомъ только тогда, какъ онъ, стоя на кострѣ и ожидая огня, заговорилъ что-то, попросилъ — по объясненію ближе стоявшихъ къ нему — попросилъ ускорить казнь. До того времени, и привязанный, онъ смотрѣлъ безучастно и хладнокровно на толпу, кишившую подъ его ногами въ примѣчательномъ многлюдствѣ и въ поразительномъ однообразіи. Въ толпѣ этой ходили разнощники, носили на коромыслахъ горячій и завѣтный японскій зеленый чай туземнаго произрастенія; продавали пряники, груши, вареный рисъ; разнощники выкрикивали также, какъ бы и на улицѣ, толпа жевала, чавкала и гудѣла говоромъ, разговаривала съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ привыкла говорить дома, въ лавкахъ, на рынкѣ. Оживленный говоръ и густой гулъ не переставали даже и на то время, когда преступника обхватило дымомъ (но не пламенемъ), и онъ, по всему вѣроятію, скоро задохся въ этомъ дымѣ, по крайней мѣрѣ, его, почернѣлаго, задымленнаго, но въ полномъ составѣ (не сгорѣвшаго), еще три дня держали на мѣстѣ казни, приглашая сюда тѣхъ, кто не попалъ въ главный день. Охотниковъ находили; кучки зрителей собирались бы и на четвертый день, если бы палачи не убрали казненнаго и не сожгли его въ пепель. Тѣмъ же тупымъ, безжизненно-оскорбительнымъ хладнокровіемъ (по свидѣтельству очевидцевъ) встрѣчено было японскимъ народомъ въ Еддо зрѣлище казни убійцы, покусившагося на жизнь брата сіюгуна (регента престола): его живаго варили въ котлѣ.

— И чтобы сказать вамъ все,—заклучилъ свою рѣчь нашъ проводникъ,—все, что привелось къ слову и пришло намъ на память въ этотъ разъ, скажу еще, что на сколько дешевле взгляды японца на жизнь вообще, на столько же дешевле въ Японіи и средства къ этой самой жизни. Чтобы не сказать безмысленнаго каламбура, попрошу васъ завтра убѣдиться въ томъ лично, Сегодня и походовъ и разказовъ довольно. Въ заключеніе посмотрите на городъ отсюда (отъ консульскаго дома внизъ),— что это такое? А вѣдь не городъ, и тоже диковина. Это еще моя штучка, хорошая штучка, но послѣдняя—какъ приговариваютъ русскіе раевщики.

Дѣйствительно, остановившись на террасѣ консульскаго дома, у подножія котораго долженъ бы лежать городъ Хакодате,—города въ привычномъ смыслѣ и приличномъ видѣ, мы опять таки не видимъ. Видимъ черную, безразличную массу, но не строеній, а какихъ-то досокъ, пустыри между ними, обозначающіе улицы, и на первомъ планѣ и впереди всего—груды огромныхъ камней, иногда наваленныхъ въ симметріи, дорожками, иногда сваленныхъ въ груды и высокія кучи. Какъ будто оторвалась отъ сосѣдней къ намъ горы каменная скала, и разорванная въ мелкій щебень и крупныя глыбы, разбросалась по всему пространству, занятому городомъ, и безслѣдно погребла его подъ собою. Мертвый видъ этотъ напомнилъ намъ пустынные гранитные берега Бѣлаго моря, гдѣ такія явленія не въ рѣдкость, но подозрѣвать большой японскій городъ подъ грудой этого щебня и этихъ камней, было невозможно. Всѣ чисто-азіятскіе и преимущественно мусульманскіе города имѣютъ форму безпорядочно и безразлично нагроможденныхъ камней; но тамъ и дома, даже въ бѣдныхъ аулахъ, всѣ и непремѣнно строятся изъ камня. Здѣсь же, на крайнемъ азіятскомъ востокѣ, въ этомъ Хакодате, какъ въ Мянчжуріи и Китаѣ, дома непремѣнно досчатые и деревянные,—видъ на городъ сверху превзошелъ всякое вѣроятіе: былъ крайне-диковинный и неожиданный. Такихъ мы уже и не встрѣчали больше ни прежде, ни послѣ. И вотъ по той причинѣ, что японскіе дома деревянные и досчатые, наскоро и не прочно строенные, на крышахъ ихъ навалены огромные камни во множествѣ, на случай тѣхъ свирѣпыхъ урагановъ, какіе гос-

подступаютъ только въ Японіи и съ отчаянною свирѣпостью налетаютъ изъ сосѣдняго ущелья между двумя горами, крѣпче и чаще всего на этотъ несчастный городъ Хакодате. Мы поймемъ и камни эти и другія прессы и контрофорсы, когда припомнимъ, что японскіе острова, а въ числѣ ихъ и Езо, помѣстила природа на самомъ дѣятельномъ и жизненномъ вулканическомъ кратерѣ. Не такъ давно еще дохнула сосѣдняя гора конусообразная дымомъ и пламенемъ и пролила такую лаву, которую въ то же время и въ теченіе долгихъ недѣль не могла остудить, да и теперь, черезъ два года, лава эта находится еще въ полуразжиженномъ состояніи (*).

Только на дальнихъ краяхъ, на правомъ и лѣвомъ крылѣ своемъ, японскій городъ похожъ, если не на городъ, то на жилие и населенное мѣсто: тамъ мы видимъ украшенные кіосками, на китайскій образецъ, храмы, отличающіеся чешуйчатыми крышами и башенками, видимъ огромные сады, въ которыхъ потонули дома губернатора и дворецъ князя, и высокую прямую кипарисную рощу, потянувшуюся въ гору немного отойдя отъ русскаго консульскаго дома, выстроеннаго цѣликомъ и сплошь изъ кипариснаго дерева. И когда отвели мы глаза съ города и смотрѣли прямо: передъ нами засверкала бирюза очаровательнаго южнаго моря, зажилъ весь на голо оживленный множествомъ судовъ, заливъ Хакодатскій, вначалѣ съ нашей «Америкой» и голландскимъ корветомъ немного поодаль, а дальше очаровательная синь и бирюза (въ одномъ мѣстѣ обрамленная крутымъ гористымъ берегомъ) пропала, слившись съ горизонтомъ и съ взбурленной и пѣнившееюся крутыми и сердитыми волнами поверхностью обширнаго и свободнаго океана. Картина дѣйствительно была и оригинальна и очаровательна!

(*) Ураганъ, свирѣпствовавшій въ Хакодате за нѣсколько недѣль до нашего прихода, былъ до того силенъ, что порывами несъ черезъ городъ огромныя бревна, даже камни. Деревянную церковь, выстроенную при нашемъ консульскомъ домѣ, однимъ порывомъ стащило съ мѣста, другимъ поставило на новое, саженахъ въ сорока отъ стараго. При этомъ ничего не было изломано; даже свѣчи остались на своихъ мѣстахъ, нетронутыми.

Еще шесть дней пробыли мы въ Хакодате. Назначенный вначалѣ срокъ не выстоялъ передъ соблазномъ живыхъ и новыхъ впечатлѣній, которыми дарили насъ день-за-день японскій городъ и японскій народъ. На берегу такъ было хорошо, что на пароходъ свой мы ѣздили только за крайней нуждой и разъ для того, чтобы быть свидѣтелями визита, который оплачивалъ нашему флагману хакодатскій губернаторъ. Визитъ этотъ, впрочемъ, не представлялъ ничего особенно-интереснаго. Рѣзче прочаго бросился намъ въ глаза ловкій маневръ японскихъ лодочниковъ, шестью лодками буксировавшихъ огромное судно съ обширной каютой,—маневръ, съ какимъ они подвалили къ парадному трапу это неповоротливое и неуклюжее судно. Маленькій губернаторъ со своимъ помощникомъ и нѣсколькими баніо-сами ловко, привычнымъ шагомъ, поднялся по трапу и безучастно-холодно осмотрѣлъ всѣ диковинки, какія могла показать ему наша «Америка»: необыкновенно-чисто содержимую машину, мало опрятные бакъ и жилую палубу, до тѣсноты набитую матросами, между которыми шли съ нами и портовые музыканты и гребцы главнаго командира; видѣлъ онъ наши пушки, недавно усердно салютовавшія въ размѣнъ съ любезными голландцами, возвращавшимися въ отечество изъ Еддо, гдѣ они выдержали свою долготѣльную и тоскливую стоянку; ходилъ онъ по шканцамъ и по кормѣ, борты которой вчера только тронуты были свѣжей краской, и, сидя потомъ въ нашей довольно тѣсной и мало удобной каютъ-компаніи, услаждалъ себя всякою сластью, какая нашлась подъ руками. Съ большею любовью относился и губернаторъ и его товарищи къ шампанскому американскаго приготовления, похожаго вкусомъ на подслащенный березовый сокъ, съ тою же горечью и осадкомъ, и продававшася даже въ безпредѣльно-дорогомъ Николаевскѣ по 2 руб. сер. за бутылку. Сладковато-горькой, но шипучей и вышибающей пробку дряни этой губернаторъ выпилъ чрезвычайно много и, какъ впившійся пьяница, не измѣнилъ себѣ ни въ одномъ глазѣ. Необычайно-много съѣлъ онъ при этомъ мороженнаго, потребленное количество котораго, въ другомъ мѣстѣ (напр. въ нашемъ возмутительно-нездоровомъ Петербургѣ), не миновало бы для него безъ жестокихъ холерныхъ припадковъ. Видимо, японецъ ѣлъ

эту бальную и кондитерскую сласть въ первый разъ въ жизни, потому что, прихваливши ее, онъ пожелалъ въ то же время узнать изъ чего и какъ она готовится. Въ видахъ общаго благополучія, во избѣжаніе римскаго обѣденнаго скандала и памятуя, что буддизмъ строго воспрещаетъ употребленіе молока, мы ему не сказали, отыграшисъ тѣмъ отвѣтомъ, что приготовленіе вкуснаго мороженаго—секретъ повара. Съ этимъ губернаторъ отъ насъ и уѣхалъ на голландскій корветъ, гдѣ, вѣроятно, также усердно пилъ, если не шампанское, то портеръ, и когда, вернувшись оттуда, онъ попался намъ на берегу сошедшимъ съ лодки, мы нашли, что ноги его были тверды и достоинства своего онъ не ронялъ передъ японцами, повергавшимися ницъ передъ его мощью и силой, а на этотъ разъ и передъ его непредставительной, мелконькой фигурой.

На берегу мы исходили всѣ мѣста и всѣ закоулки, гдѣ только было можно или казалось намъ безопаснымъ (а безопасно во всемъ Хакодате); отмѣчаемъ же только то, что сознательнѣе и памятливѣе осталось въ нашемъ представленіи.

Впереди всѣхъ впечатлѣній и яснѣе другихъ рисуются намъ японскія лавки, чаще другихъ нами посѣщаемыя. Какъ гуси, одинъ за другимъ вереницей въ поднебесьѣ, или овцы гуськомъ одна за другой по сырой землѣ,—такъ и мы, по примѣру и совѣту бывалыхъ, потянулись со всѣмъ наличнымъ и припасеннымъ на Амурѣ количествомъ серебряныхъ рублей, потянулись другъ за дружкой съ хакодатской пристани прямо въ таможеню. Тамъ въ одно изъ огромныхъ оконъ кургузые чиновники брали наше круглое серебро съ лигатурой, клали его на одну чашку вѣсовъ особаго мудренаго устройства, и потомъ грузили на другую свое четырехугольное серебро, чистое, безъ лигатуры. Когда стрѣлка останавливалась на самой точкѣ, мы получали горстями японское серебро; причѣмъ собравшіеся гурьбой чиновники со скрытою завистью и съ нескрываемымъ изумленіемъ смотрѣли на насъ и, вѣроятно, пожелали намъ прогуляться съ этимъ серебромъ, небрежно разсованнымъ нами по всѣмъ карманамъ, ночью и въ глухомъ мѣстѣ; но мы пошли въ самое бойкое; понесли серебро въ лавку, къ Рюгони, рекомендованнаго намъ за чловѣка чест-

наго и не затрудняющагося (по японскому словарю Гашкевича) объясняться порусски.

Рюгони раскинулъ передъ нами множество матерій, и всѣ поразительной дешевизны: цѣлые куски (аршинъ въ 20—25) матерій въ родѣ фуляровъ, окрашенныхъ самыми яркими красками, которыя способны только выработываться въ странахъ тропическихъ, стоили $7\frac{1}{2}$ —8 исебу: 3 р. 22 к.—3 р. 44 коп. Самая лучшая, прочная и дорогая бѣлая матерія, обладавшая похвальнымъ свойствомъ становиться упругой при всякой новой стиркѣ, стоила, кускомъ въ 25 аршинъ, всего только 22 исебу, т. е. 9 руб. 46 к. Матерія эта, сдѣланная изъ шолку-сырца, имѣла видъ крахмаленной, какъ бы изящно сдѣланной, нитка къ ниткѣ, волосяной матеріи. За лучший атласъ (5 аршинъ) мы платили 1 р. 72 к. на наши деньги, и проч. и проч. При этомъ матеріи свѣтлыхъ цвѣтовъ и въ особенности окрашенные моднымъ и любимымъ зеленымъ цвѣтомъ стоили дороже чѣмъ матеріи темныхъ цвѣтовъ. Темные цвѣта и въ Японіи траурные. Желтый, императорскій цвѣтъ въ Китаѣ, здѣсь въ Японіи былъ ни-по-чемъ.

А гдѣ дешевизна, тамъ и неудержимый соблазнъ, а гдѣ любимые и покинутые люди, тамъ и приготовленіе подарковъ для нихъ—вотъ два рычага, на которые попала вся наша каютъ-компанія и долго не могла сорваться. Мирно дремала она до сихъ поръ подъ однообразіемъ впечатлѣнія скучнаго похода по пустыннымъ портамъ океана; быстро поднялась и разбѣжалась она потомъ, когда развернулъ свои соблазны дешевый городъ. Первымъ поживился отъ насъ Рюгони; вторымъ и третьимъ два купца, торговавшіе лакированными и другими бездѣлушками. Японскаго вкуса чернильницы въ ящичкахъ, рабочіе ящики, на внутреннее многосложное устройство которыхъ можетъ быть способно только японское умѣнье и терпѣнье; всѣ эти произведенія миакскихъ фабрикъ съ изящно-оттиснутыми на крышкѣ рельефами пѣтуховъ съ позолоченными гребешками, цѣлой горой Фудзи, до половины снѣговой, высоко чтимой японцами и почитаемой ими за священную—все это насъ всѣхъ поголовно (нечего грѣха таить!) сильно занимало и радовало. Дешевле купленная, счастливо выбранная бездѣлушка возбуждала зависть;

куръзная вещица подмывала на поиски ей подобной и съ нетерпѣиємъ ожидалось новое утро, чтобы размѣнять въ таможнѣ резервное серебро и снова надѣлать глупостей, въ которыхъ вечеромъ приходилось каяться и разочаровываться. У насъ начались мелкія ссоры, затѣялась мѣновая торговля, и будь мы двумя-тремя степенями ниже въ нравственномъ развитіи и убѣжденіяхъ, кто знаетъ—можетъ быть пустились бы и на худшее художество. Оживленіе было всеобщее, страсти неожиданно разгорѣлись и, вопреки ожиданій, на такомъ пустомъ поводѣ, вызванномъ пріобрѣтеніемъ японскихъ издѣлій, въ каждомъ изъ насъ начали обнаруживаться мелочныя черты характеровъ. Всякій успѣлъ обнаружить кое-что изъ того, что до сихъ поръ усердно и ловко припрятывалъ. Одинъ, накупившій всѣхъ больше и имѣвшій въ запасѣ множество серебра, не хотѣлъ мѣнять его на ассигнаціи тѣмъ, кто безразчетно потратилъ все серебро свое до послѣдняго гривенника. Другой, имѣвшій возможность легчайшаго и болѣе удобнаго для него размѣна, подвелъ такую интригу, что доступъ въ размѣнную кассу сталъ невозможенъ. Третій готовно, по необъятно-доброй душѣ своей, предлагалъ имѣвшееся у него золото, но золота японцы не любятъ и за нашъ полуимперіаль давали только три рубля съ какими то копѣйками (*). Даже въ покупкахъ, на вещахъ объяснился опредѣленнѣе характеръ многихъ: нашъ дѣловой старшій штурманскій офицеръ, который все время похода или писалъ шканечный журналъ, или дѣлалъ папиросы (потребляемая имъ въ огромномъ количествѣ), только разъ съѣхалъ на берегъ, купилъ себѣ табуку да тѣмъ и покончилъ. Другой нашъ товарищъ, обладавшій высокимъ ростомъ, въ борьбѣ вещей придержался такихъ, которыя были и велики и громоздки; напротивъ, третій нашъ товарищъ, молоденькій, красивенькій, выбралъ миниатюрныя, болѣе изящныя. Священникъ консульства, возвращавшійся въ Россію, вывозилъ съ собою исключительно только одинъ японскій атласъ во множествѣ кусковъ, да намѣренъ былъ закупить по портамъ океана и на Амурѣ соболей: и то и другое, по его словамъ, онъ везъ въ подарокъ ар-

(*) Консуду нашему не выслали серебра, но за то въ избыткѣ снабжали изъ Петербурга золотомъ, на размѣнъ котораго такимъ образомъ приходилось терять ему и другимъ нашимъ чиновникамъ по два рубля сер. съ cadaго золотого.

хіереемъ и его отцамъ-благотворителямъ. Двое семейныхъ купили больше матерій женамъ на платье, одинъ приобрѣлъ даже дешеваго и необычайно вкуснаго рису, который только и можно приобрѣтать въ Японіи; купилъ овса, купилъ пряниковъ. На бакѣ повторилось тоже явленіе: писарь, вахтеръ и унтеръ-офицеры съ боцманомъ накупили шелковыхъ матерій; щеголь-фельдшеръ приобрѣлъ фиксауары и стальное зеркало; а матросъ Ершовъ, съѣхавшій вмѣстѣ съ другими на берегъ *освѣжиться* и получившій отъ насъ два ицебу на прогулъ, пряниковъ не купилъ, а вернулся пьянымъ и былъ семь вечеровъ сряду въ крѣпкомъ подгулѣ, пока цѣлы были двѣ огромныхъ плегушки съ японской водкой саки, провезенныя контрабандой на офицерской шлюпкѣ и спрятанныя подъ нашей койкой, въ каютѣ.

Всѣ остались при своемъ, и у всѣхъ были *нижки*—эти уже настоящія японскія бездѣлушки, въ видѣ различныхъ фигуръ изъ кости и дерева, необычайно изящно-выточенные и привѣшиваемыя японцами къ кесетикамъ съ табакомъ, въ должности старинныхъ европейскихъ брелоковъ. Теперь все это очень смѣшно; тогда было не до шутокъ. Выведенные изъ своего покойнаго и нормальнаго положенія въ какое-то новое и искусственное, но тѣмъ не менѣе сильно возбужденное и безпокойное состояніе духа, мы и въ этихъ бездѣлушкахъ завидовали другъ другу и негодовали на нашего американца, механика Нортонъ, который, какъ истинный янки, умѣлъ все купить несравненно дешевле насъ и купилъ при томъ такія вещи, какія намъ и на глаза не попадались: словно вырывалъ онъ ихъ изъ земли. И покупая вещи дешево, онъ въ тоже время успѣлъ обратить на себя любовь и вниманіе всѣхъ торгующихъ японцевъ, даже пользовался, тамъ популярностью. Меньше насъ зная языкъ, упорнѣе и упрямѣе стоя за свой родной (три года проживши въ Россіи, онъ ни слова не говорилъ порусски), американецъ сталкивался мимикой и тѣлодвиженіями и таскалъ изъ лавокъ такія вещи, какія приходились ему по вкусу и казались стоящими его вниманія. Купцы при первомъ приближеніи его ему улыбались; при выборѣ вещей усердно прислуживались, хотя онъ и платилъ меньшія противъ насъ деньги, и когда уходилъ — ему кивали головой и посылали самыя дружелюбныя, самыя кроткія и лас-

ковья улыбки. Нортонъ торжествовалъ; мы всё ему завидовали; онъ рассказывалъ—мы всё его слушали; онъ зналъ, сколько получаетъ рабочій, что стоитъ трудъ, чѣмъ можно успѣшно торговать съ Японіей: мы повѣряли его свѣдѣнія и убѣждались, что онъ ни въ чемъ не ошибался, и удивлялись одному, изъ какихъ источниковъ, не зная языка, онъ и другіе американцы могли приобрѣтать эти свѣдѣнія. Въ прошломъ году они предсказали, что на будущій все въ Японіи вздорожаетъ и предсказанія ихъ сбылись; мы за все платили дороже, чѣмъ тѣ изъ русскихъ, которые были въ прошломъ году. Американцы говорили, что на многіе товары падеть запрещеніе—и не ошиблись: японцы въ годъ нашего посѣщенія не продавали рису, не продавали рогатаго скота. Америка, вся погруженная въ чтеніе отечественныхъ саженныхъ газетъ, съ большимъ любопытствомъ останавливается на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится про Японію, и по газетнымъ свѣдѣніямъ добиралась до того знанія и до тѣхъ предрѣченій, которыя понятны только въ американцѣ. Мы принуждены были блуждать въ потьмахъ, не смотря на то, что не первый годъ живешь въ Хакодате цѣлая колонія наша (въ количествѣ девяти человекъ), по собственнымъ словамъ, сильно заинтересованная интересной страной и понимающая необходимость знакомства съ нею непосвященныхъ, но.... до сихъ поръ, мало—сказавшая (*).

Изъ газетъ американскихъ слышали мы, что японскій рабочій получаетъ въ сутки десять желѣзокъ (каши), т. е. меньше нашей серебряной копѣйки, а въ консульскомъ домѣ узнали мы, что слуга японецъ, усердно и безпрекословно исполняющій всякую службу по дому, получаетъ меньше рубля серебромъ на наши деньги въ мѣсяцъ и за тѣмъ живетъ на всемъ на своемъ; свое ѣсть, самъ себя одѣваетъ и одѣвается при этомъ прилично. Американцы увѣряли насъ, что дурное поведеніе женщинъ до замужества и черныхъ зубовъ—народная добродѣтель, обезпеченная обычаемъ и освященная закономъ—и въ консульскомъ домѣ

(*). Говорили о Японіи (въ Морскомъ Сборникѣ): В. Н. Назимовъ, состоявшій при церкви г. Маховъ, да супруга доктора Альбрехта подарила какую то газету весьма бойкой и интересной статьей.

нравственность женщинъ не хвалить (**). Отъ иностранцевъ узнали мы, что японская кухня вся изъ различныхъ рыбныхъ блюдъ, приготовляемыхъ съ зеленью, на манеръ французскихъ паштетовъ, самая вкусная изъ всѣхъ неевропейскихъ и въ консульскомъ домѣ мы снова доходимъ до конечнаго убѣжденія въ непогрѣшимости выводовъ и замѣтокъ, какія приводилось намъ слышать отъ европейцевъ, но не отъ нашихъ, русскихъ. За неимѣнiемъ ихъ указанiй, мы по прежнему блуждаемъ въ потьмахъ и, наталкиваясь на диковники, въ большой части случаевъ не знаемъ какой смыслъ приписать имъ, какъ понимать то или другое явленiе. И, шатаясь въ потьмахъ, мы естественно спотыкаемся, думаемъ не такъ, говоримъ не то, а потому, полагаясь на слова комментаторовъ и довѣряя своему глазу на другую половину, станемъ говорить только о томъ, что видѣли сами, и объяснимъ это такъ, какъ намъ самимъ объяснили это люди, долѣе насъ жившiе въ Японiи и лучше знающiе эту страну, во многомъ поставленную къ европейскимъ обычаямъ вверхъ ногами. Вотъ еще примѣръ.

Мы шатались по городу, догулялись до вечера, когда темнота покрывала японскiя улицы. По приглашенiю пошли мы въ одну улицу, зашли въ другую и третью, видѣли одно: толпы народа; постукивая своими деревянными калошами, снуютъ по этимъ улицамъ, и все мужщины: одни въ маскахъ, другiе безъ масокъ. Съ какою цѣлью?

— Смотрите направо, смотрите налево, въ окна домовъ! — подсказываютъ намъ.

Смотримъ въ окна: видимъ большую комнату; на середину ея выдвинуть столъ, за столомъ, поджавши подъ себя ноги, по восточному, сидятъ разряженные, разукрашенные цвѣтами, съ вѣерами въ рукахъ, но бѣлозубыя японскiя красавицы.

— Считайте ихъ! — приглашаютъ насъ.

(**) Двѣ богатыи и чиновныя японки прiѣзжаютъ съ визитомъ; посидѣвши, переселились и захихикали.

— Чему смѣетесь?

— Да вотъ совѣтую своей гувернанткѣ пойти въ любовницы къ тому офицеру, который взялъ ея воспитанницу; чтобъ той легче было — наввно и охотливо отвѣчала японка.

Насчитываемъ семь въ одномъ домѣ; десять въ другомъ, пять въ третьемъ.

— Берите среднюю цифру—шесть дѣвушекъ; въ каждой улицѣ такихъ домовъ среднимъ счетомъ—двадцать; такихъ улицъ пять (*minimum*). По моему, выходитъ—шестьсотъ дѣвицъ, выставляемыхъ каждый день на охотниковъ; и не придавайте этому никакого дурного смысла, смѣло печатайте объ этомъ,—дѣвушки эти утромъ учатся. Учатъ ихъ чтенію, письму, танцамъ, музыкѣ, рукодѣліямъ—даромъ. Вечеромъ онѣ на выставкѣ, выставка пособляетъ имъ выплачивать хозяйкѣ за выучку. Проидеть четыре года, онѣ выходятъ изъ пансіона; ни одинъ японецъ не сочтетъ позоромъ для себя взять эту дѣвушку замужъ; онъ даже и сговорился съ ней объ этомъ еще во время ея обученія. Но, выйдя замужъ, она непреклонно-цѣломудренна (повѣрьте моему опыту); она потому и зубы чернить краской разъ навсегда, до гробовой доски—виновать!—до костра—не смываемой. Затѣмъ, становясь женой, женщина въ Японіи не дѣлается рабыней: она приглашается въ лавку, какъ помощница, она торгуетъ и отъ себя самостоятельно. Смѣлый взглядъ, свободныя движенія, открытое лицо, дородное тѣло и здоровый румяный цвѣтъ лица,—все это мѣшаетъ оцѣнивать общественное положеніе женщины по общимъ азіатскимъ образцамъ. Въ Японіи женщина свободнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ странахъ деспотической Азіи.

— Возвращаюсь назадъ. Если выставка молоденькихъ дѣвушекъ на охотника, и помѣщеніе ихъ въ такіе дома на воспитаніе—не входитъ въ коренныя, народныя убѣжденія и не основываются они на общихъ вѣрованіяхъ: зачѣмъ же тогда такое множество дѣвушекъ ежедневно? да вѣдь онѣ и перемѣняются. На мѣсто старыхъ поступаютъ новыя; за этимъ я слѣжу лично вотъ уже цѣлый годъ. Прибавлю еще: здѣсь скандальныя картины продаются въ лавкахъ открыто; таковыя же ницки (брелоки) носятъ на кисетахъ; а помните пирожниковъ и тѣсто и фигуры, изъ него приготовляемыя, на дворѣ храма.

— Здѣсь существуютъ монастыри, въ которыхъ монахи живутъ съ женами. Въ Японіи—что храмъ, то новая вѣра; сектъ великое множество. Есть монахи, которые не ѣдятъ зелени и

табаку не курятъ; есть и такіе, которые не ѣдятъ мяса, но на табакъ не кладутъ запрещенія. Говорить—всего не перескажешь.

На другой день, мы гуляли въ кипарисной рошѣ, слушали цикады, смотрѣли, какъ громоздили неустанные рабочіе княжескій дворець надъ оврагомъ, для котораго они не пожалѣли срубить и такимъ образомъ уменьшить великолѣпную рошу. Воздухъ въ ней былъ великолѣпный (да и вообще въ Японіи хорошо дышется, и объ эпидемическихъ и повальныхъ болѣзняхъ не думается, по свидѣтельству нашихъ). Прогулка наша могла быть безконечною; но мы услышали новые звуки дикаго бубна (стукъ по Хакодате и звонъ на улицахъ не прекращаются во весь день, раздаются даже и ночью,—веселый народъ!). Мы думали, что это опять или приглашеніе на молитву, или снова ватага нищихъ идетъ собирать подаянія.

— Нѣтъ! отвѣчаютъ намъ. Пойдемъ и посмотримъ.

Къ кипарисной рошѣ примыкаетъ высокій заборъ, по забору мы доходимъ до воротъ; ворота вводятъ насъ на большой дворъ губернаторскаго дома. Съ этого двора, мы входимъ на второй, куда глядитъ своимъ фасомъ самое жилище хакодатскаго начальника. Противъ дома бесѣдка съ навѣсомъ. Подъ нимъ на табуретахъ сидитъ, знакомый уже намъ, сумрачный губернаторъ (*), его помощникъ (который при нашемъ приближеніи всталъ съ своего мѣста и предложилъ его намъ), двое бритыхъ, изъ которыхъ одинъ оказался бонзой, другой, съ выбритой также наголо головой, былъ губернаторскій домашній врачъ (**). Передъ ними происходила замысловатая сцена, неимѣвшая, впрочемъ, для насъ особеннаго значенія. Нѣсколько японцевъ, на маленькихъ рысачкахъ, ловили на всемъ скаку бѣлые и красные

(*) Для Хакодате, какъ и для всякаго японскаго города, полагается два губернатора. Въ то время, какъ одинъ управляетъ городомъ, другой слѣдитъ за его дѣйствіями, контролируетъ ихъ въ Іеддо. Черезъ годъ, этотъ ѣдетъ сюда, а старшій на годъ отправляется ко двору сіюгуна, для той же цѣли—контроля и доклада. И такъ далѣе, по очереди: одинъ живетъ въ Хакодате, другой въ Іеддо.

(**) Въ Японіи только духовные могутъ быть докторами (оба званія тамъ равнозначущи, какъ и у бурятъ, отчасти у китайцевъ, у мусульманъ, да и у насъ, въ старину, на Русѣ). Не брѣзгать волосъ доктора и бонзы, не подбрасываютъ лбвъ остальные японцы только на случай траура. Когда умираетъ сіюгунъ (одинъ только микадо безсмертенъ), вся Японія цѣлый годъ отращиваетъ волосы на головѣ, на губахъ, на щекахъ и на подбородкахъ.

мячики, поднимая ихъ съ земли въ мѣшечки, привязанные къ коротенькимъ палкамъ. Схвативши мячикъ (что сдѣлать довольно трудно, потому что остальные стараются его вышибить), ловчакъ летитъ назадъ къ барьеру и оттуда бросаетъ мячикъ въ цѣль. Попалъ въ нее—мальчики весело и усердно заколотятъ въ бубень.

Но въ бубень колотили рѣдко, хотя возни, гику и крику было много. Губернаторъ флегматически покуривалъ трубку и по видимому принималъ въ играхъ и скачкѣ живое участіе. Намъ онѣ надоели. Мы поблагодарили и раскланялись.

— Надо родиться японцемъ—толковали намъ дорогой, чтобы понимать, напримѣръ, ихъ пляску, это мучительно-длинное коверканье на разные лады, присѣданье, прыганье, особенно когда гудить ихъ однообразная, имѣющая только три тона, музыка.

Мы слышали и музыку эту, налаживаемую чернозубыми женщинами на инструментъ въ родѣ бондуры, съ тремя металлическими струнами; и вполне согласились со словами нашего чичероне.

— Пѣсня ихъ также небогата тонами и вся сидитъ въ горлѣ, безъ варіацій, безъ жизни, какъ пѣсня татаръ, калмыковъ, монголовъ и другихъ степныхъ азіатовъ. Поютъ въ носъ, на манеръ нашихъ старообрядскихъ духовныхъ пѣсень.

И это было поразительно справедливо.

— Замысловаты у японцевъ туманныя картины, на которыхъ они фигурамъ своимъ придаютъ такія позы и дѣлаютъ съ ними такія превращенія, до какихъ европейцы еще не додумались. Нельзя не пожалѣть, что ихъ не всякому и не на всякомъ мѣстѣ можно показывать. И туманныя картины эти и женскія пляски начинаются какъ будто и благоприлично, а въ концѣ концовъ выпадаютъ въ ту же нескромность по нашему, до какой такъ жадна вся Японія и какую она вовсе не почитаетъ нескромностью.

На бакѣ нашей «Америки» мнѣ привелось убѣдиться въ замѣчательной правдѣ и этихъ замѣчаній, когда виждалъ отъ восторга весь нашъ бакъ, всей своей массой, изъ среды которой, застывшей на корточкахъ, самые впечатлительные и воспріимчивые выснакивали даже и ржали не на шутку по лошадиному.

Но, будетъ!

Разсказовъ объ Японіи хватило бы надолго. Многое досказали намъ позднѣе; многое можно припомнить и изъ личныхъ наблюдений, если бы подольше постоять на одномъ мѣстѣ и сосредоточить около него наши воспоминанія. Не дѣлаемъ этого теперь изъ разсчета. Не скроемъ мы этого разсчета и потаенной, преднамѣренной цѣли нашей, когда въ силу предвзятаго плана, мы встрѣтимся на берегахъ Амура съ манчжурами, на берегу Кяхты, съ китайскимъ Маймачиномъ и на берегахъ Каспійскаго моря, съ Персіей. Тогда мы поставимъ на очную ставку спрятавшуюся за океаномъ и тщательно скрывающую себя Японію, съ такимъ же замкнутымъ Китаемъ и болѣе другихъ откровенною Персіей, чтобы въ сопоставленіи этомъ поискать сходствъ и подобій. По нимъ намъ хотѣлось бы подыскать ключа и поученій, для послѣдующихъ описательныхъ работъ нашихъ, въ любезной отчизнѣ. Прежде всего, мы пойдемъ по берегамъ Каспійскаго моря, какъ по мѣстамъ послѣднихъ нашихъ изслѣдованій, перейдемъ потомъ на Волгу-матушку, а конецъ описаніямъ нашимъ увидимъ тамъ, гдѣ укажетъ время и назначать житейскія обстоятельства.

Теперь, до времени, возвращаемся къ покинутымъ нами (но не прекращеннымъ вовсе—какъ говорили за насъ нѣкоторые люди), отчетнымъ работамъ нашимъ по изученію русскаго востока въ Сибири, на берегахъ Амура и Восточнаго океана и сопредѣльныхъ ему странъ азійскихъ. На сколько позволить намъ время и умѣнье, мы расскажемъ обо всемъ этомъ съ подобающею подробностью, не потому, что мы считаемъ это для себя обязательнымъ, а по той причинѣ, что мы видимъ осязательную связь тамъ, гдѣ существуютъ крупныя географическія крайности и различія.

И да не сѣтуеть на насъ нашъ читатель, если мы на слѣдующей бесѣдѣ перенесемъ вниманіе его снова на Амуръ и остановимъ его на Манчжуріи.

С. Максимовъ.